

Искорка 4

1979

АПРЕЛЬ • 1979

год издания XXIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Игорь ДРУЖИНИН

Ленинград

Слышится ли шорох ледохода,
Парк ли сыплет жёлтой листвою,
Хороши в любое время года
Утренние зори над Невой.
Брызнет ли волна зелёной пеной,
Вспыхнут ли заставские огни,
Я люблю свой город неизменно
В праздники и в будничные дни.
Я не знаю, где любви начало:
Может, в светлой пушкинской

строке,

Может, в песнях моря у причала,
В шпильях, заблестевших вдалеке.
Но одно я знаю без сомненья:
Он дороже, ближе во сто крат,
Потому,

что слышу имя — Ленин
В слове, вечно юном, —

Ленинград!

Рис. Л. Московского

В САМОМ НАЧАЛЕ ПУТИ

Ленинград часто называют «музеем под открытым небом». Это и в самом деле так: по его улицам, проспектам, площадям шагала сама История. Особенно — История Революции.

Но ведь в музеях — экспонаты, рядом с ними — таблички, рассказывающие, поясняющие этот экспонат. А в городе... И в городе так же! Вот — дом. Не просто дом, а свидетель интереснейших, важнейших событий. Или — «Аврора». Где, в каком ещё музее ты её увидишь настоящую? И «таблички» тоже есть: висят металлические или мраморные мемориальные доски, и на них — золотом буквы.

Большой зал Московского вокзала. То и дело подходят поезда. Едва выйдя из вагонов, гости Ленинграда попадают в этот зал и сразу видят бюст Владимира Ильича Ленина на высоком гранитном постаменте, а на стене за ним читают строки из постановления II съезда Советов от 26 января 1924 года:

«...Удовлетворить просьбу Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании города Петрограда в Ленинград.

Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата, Владимира Ильича Ульянова-Ленина».

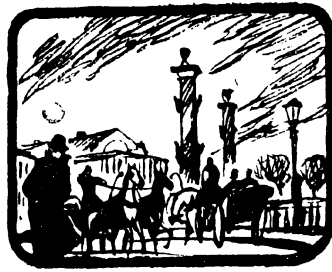
Совсем иным был этот вокзал в конце прошлого века. И поезда шли к нему не так часто и не так быстро, как теперь. В одном из них в конце августа 1890 года ехал Владимир Ульянов.

За окном мелькали подёрнутые желтизной осени берёзы и рябины, убегали назад ветхие скособооченные избы, и где-то уже далеко-далеко осталась Казань, 4-е декабря 1887 года, сходка, на которой студенты протестовали против закона, запрещавшего принимать в гимназию детей «кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т. п. людей».

В тот день попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников получил от инспектора Казанского университета список студентов, участвовавших в недозволенном собрании и произнесении противоправительственных речей. Под номером 139 в списке стояло имя: «Ульянов Владимир Ильич» и рядом красовались три креста, что означало: исключён. Написали «исключён» — и словно отрубили топором от всего, что любил, что было смыслом жизни.

Учиться Володя любил с первого класса гимназии. Теперь же ещё и твёрдое сознание пришло: без образования ничего в жизни не совершишь. Будущей революции нужны грамотные борцы.

И мама от огорчения извелась вся: прошение за прошением пишет. То в Казанский университет, то министру просвещения, то в департамент полиции. Просит разрешить сыну хоть экстерном держать экзамены в любом из университетов страны. Экстерном — это значит

не посещая лекций, самому пройти всю программу многолетнего обучения.

На годы растянулась переписка и, наконец, вот оно — разрешение. Какой он, Петербург? Страниц прочитано о нём много, а проспектов его, улиц, дворцов, заводов видеть ещё не приходилось. Где-то есть в нём Съезжинская улица, Тучков переулок... Жил там брат Александр. Улицы остались, дома целы, а брат казнён в Шлиссельбургской крепости. Есть в столице и неведомый пока Васильевский остров, на нём — «Бестужевские курсы»... Там занималась сестра Анна, теперь Оля туда поступает. Скоро уже увидит он и реку Неву, здание университета над нею...

Первый приезд молодого Владимира Ульянова в Петербург был кратковременным: оставил прошение, ознакомился с программой, купил книг и уехал. Настолько коротким было это посещение Ульяновым царской столицы, что даже адреса, где он останавливался, не сохранилось. Но не прошло и года — Владимир Ульянов вновь в Петербурге. Живёт на Тучковой набережной (ныне набережная Макарова), готовится к экзаменам.

К столетию со дня рождения Ильича была выпущена многотомная книга: «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Много и хорошо поработали учёные: восстановили для потомков жизнь Ленина день за днём. Листаешь страницы этой книги и видишь: очень напряжённым был 1891 год для молодого Владимира Ульянова. Экзамены! Экзамены!.. Но не только они одни.

«...пишет сочинение по уголовному праву».

«...сдаёт экзамены по истории русского права и государственного права».

«...сдаёт экзамены по политической экономии и статистике».

«...посещает преподавателя Технологического института Л. Ю. Явейна... и берёт у него марксистскую литературу».

«...сдаёт экзамен по истории римского права».

«...встречается с некоторыми петербургскими марксистами, получает марксистскую литературу».

«...сдаёт устные экзамены по полицейскому праву».

«...по церковному и международному праву».

Экзаменационный лист испытательной юридической комиссии при Петербургском университете, помеченный 1891-м годом, сохранился до наших дней. Выглядит он обычно: тринадцать фамилий экзаменующихся, против каждой — полученные оценки. Среди оценок больше всего «У» (что означало «удовлетворительно»), попадаются и «НЕУ» («неудовлетворительно»). Против имени «Владимир Ульянов» — ровнёнький строй одних только «ВУ» («весьма удовлетворительно»).

Не изменил себе Владимир Ульянов: гимназию закончил с золотой медалью, университет — с дипломом первой степени.

На обширном листе диплома перечислено множество сданных предметов. Но ведь был и ещё один — марксизм. О нём экзаменаторы не подозревали. Но именно он и стал главным в жизни Владимира Ильича.

И когда в дождливый предсентябрьский день 1893 года Владимир Ульянов снова сошёл на платформе старого Николаевского вокзала, цель его приезда в Петербург была уже совсем иной. Умещалась она в одно короткое слово: борьба.

По Невскому проспекту наперегонки спешили конные экипажи, пролётки и набиравшие силу первые «авто». На проспекте колыбалась, юлила, мельтешила толпа. Казалось, нырни в неё — и потеряешься. Однако приезд из Самары молодого юриста Ульянова, находящегося под негласным надзором полиции, был отмечен донесением петербургского охранного отделения: «ФАМИЛИЯ — Ульянов, ИМЯ — Владимир, ОТЧЕСТВО — Ильич, ЗВАНИЕ — сын действительного статского советника. Прибыл 31 августа 1893 года в С.-Петербург и поселился в д. № 58 по Сергиевской улице, 4-го участка Литейной части».

Сергиевская — это нынешняя улица Чайковского. Здесь на доме № 58 в 1963 году была установлена мемориальная доска, надпись на которой гласит: «В этом доме с 31 августа до начала октября 1893 года жил Владимир Ильич Ленин. С этого времени началась его деятельность по созданию революционной марксистской партии в России».

Видимо, квартира на Сергиевской не очень понравилась молодому Владимиру Ильичу: кругом богатые особняки, кареты, усадьбы городских! Поэтому вскоре он переехал на более тихую, неприметную Ямскую улицу (ныне улица Достоевского). «Комнату, — пишет он матери, — я себе нашёл наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы от библиотеки), то я совершенно доволен».

Почитайте повнимательнее это письмо ещё раз. И увидите: писал его революционер-подпольщик. Какую он себе комнату выбрал? А вот какую: «дверь заклеена», «слышно глухо», «других жильцов нет», «ход хороший». И что весьма существенно для Владимира Ильича: «всего 15 минут ходьбы от библиотеки».

От книг молодой революционер ни на день не отрывался. Пройдём по другим адресам, где жил в ту пору Владимир Ильич — все они неподалёку от Публичной библиотеки: Большой Казачий переулок (ныне переулок Ильича), Таиров переулок (ныне переулок Бринько), Верейская улица, Гороховая (ныне улица Дзержинского). Отовсюду до библиотеки — рукой подать.

Было в тот приезд у Владимира Ильича письмо — от нижегородских марксистов к петербургским. Очень хотелось молодому волжанину поскорее свести с ними знакомство, да та же конспирация подпольщика подсказывала: не торопись! Пусть недреманное око полиции поуспокоится, дремать начнёт. Лишь через месяц после приезда навестил Владимир Ульянов студента Петербургского университета Михаила Сильвина, вручил ему письмо.

«Вероятно, это было в октябре 1893 года... — вспоминал впоследствии М. А. Сильвин. — Владимир Ильич пришёл ко мне не рано, ча-

сов около одиннадцати... В переданном им письме, которое я тут же просмотрел, нижегородцы предлагали отнести к Владимиру Ильичу с полным доверием и упомянули об Александре Ильиче. Этого было более чем достаточно, и я сейчас же понял, какого рода знакомства ищет мой посетитель».

Через некоторое время к помощнику поверенного Ульянову зашли домой С. И. Радченко и Г. Б. Красин. Красин вспоминал: «Мы явились к Владимиру Ильичу с целью познакомиться и произвести попутно лёгкий теоретический экзамен ему по части твёрдости его в принципах марксизма». Владимира Ильича они застали «в скромной, но всё же довольно просторной, на студенческий лад обставленной комнате. Перед нами предстал, как мне показалось тогда, относительно «пожилой», но необычайно оживлённый, весёлый человек, глаза которого не смотрели, а буквально производили обстрел. Вместе с тем он был прост, товарищески радушен и настолько непринуждён, что сразу же вселял к себе и доверие, и расположение». «Проэкзаменовать» же приезжего «оказалось делом довольно трудным, так как сами мы сразу же оказались в положении экзаменуемых».

Вскоре Владимир Ульянов вступает в марксистский кружок студентов-технологов. «За обнажённый лоб и большую эрудицию,— вспоминал другой участник этого кружка Г. М. Кржижановский,— Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой «Старик», находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бывшей в нём ключом молодой энергией. Но те глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих... всё это прочно закрепило за ним придуманную нами кличку».

Есть много книг о Владимире Ильиче. А в нашем городе создана о нём ещё одна удивительная книга. Её страницы вырублены из мрамора, буквы сверкают золотом. Страницы эти — мемориальные доски на стенах десятков ленинградских домов.

Одна из них укреплена на стене дома № 12/4 по улице Комсомола. Надпись гласит:

«Здесь осенью 1895 года под руководством В. И. Ленина состоялось совещание петербургских марксистов, на котором произошло организационное оформление общегородской социал-демократической нелегальной организации, вскоре получившей название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

...Среди огромных новых домов Невского района стоит на Ново-Александровской улице небольшой деревянный домик. Четыре окна сверху, четыре внизу. Вокруг — булыжная мостовая.

В конце прошлого века в этом доме снимал комнату рабочий Обуховского завода Василий Андреевич Шелгунов. Комнатка была невелика и вмещала немного: железную кровать, маленький столик с керосиновой лампой на нём, несколько старых стульев да этажерку. Невелика комнатка, да удобна. Спускался над Невской заставой вечер, зажигались редкие тусклые керосиновые фонари, и поодиночке шли к Шелгунову рабочие: И. В. Бабушкин, Н. Е. Меркулов, В. А. Князев, В. И. Яковлев... Ночью так же поодиночке расходились.

В квартире Шелгунова Ленин вёл кружок. Вначале строку за строкой читали книги Маркса и Энгельса. Если встречалось что-либо непонятное — Ленин останавливал чтение, тут же разъяснял встретившуюся сложность. Вопросы сыпались на Владимира Ильича в изобилии. Но это до перерыва. После него вопросы сыпались в таком же изобилии уже на слушателей — Ленина интересовало всё: каковы условия труда на заводах? Велика ли зарплата? Много ли рабочих недавно приехало из деревни? За что штрафуют? В итоге само собой получалось: без борьбы с хозяевами-капиталистами лучшей доли не жди! А для борьбы нужно единство всех рабочих и работниц. К этому их следует звать и готовить.

Как объединять? Как готовить? Для начала хотя бы листовками.

В 1894 году, в канун рождественских праздников, рабочим Семянниковского завода не выдали зарплату. Вспыхнул стихийный «бунт». Хозяева с помощью полиции подавили его. Но неожиданно и для хозяев, и для охранки «бунт» этот стал «виновником» появления первой листовки.

«Первый «листок», — рассказывала позже Н. К. Крупская, — написал Ленин, переписал от руки печатными буквами в 4-х экземплярах, Бабушкин отнёс на завод. Два листка подняли сторожа, а два были подняты рабочими и пошли по рукам — это считалось большим успехом тогда».

Семянниковский завод стоял на левом берегу Невы. На правом возвышались корпуса фабрики Торнтонов. Много лет владели фабрикой английские капиталисты Торнтоны, порядки там завели жестокие. Ткачи, как солдаты, жили в казармах, ютились на нарах. Продукты вынуждены были втридорога покупать в фабричных лавках, где их обирали немилосердно. В архивах сохранились сведения, из которых видно, что за десять лет Торнтоны заграбастали больше 14 миллионов рублей. Один лишь Чарльз Торнтон получал за неделю столько прибыли, сколько не могли заработать и две тысячи ткачей.

— И всё этим кровососам мало, — услышал как-то Владимир Ильич в комнатке Шелгунова. — Торнтон опять расценки снизил, а плату за квартиры поднял. Бастуют ткачи.

Из пятисот бастовавших ткачей тридцать оказались в тюрьме.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» решил отклиниться, поддержать ткачей. Об условиях работы на фабрике Ленину рассказал рабочий Кроликов. «Потом я с Аполлинарией Александровной Якубовой, — вспоминает Н. К. Крупская, — повязавшись платочком и придав себе вид работниц, ходили сами ещё в общежитие фабрики Торнтон, побывали и на холостой половине, и на семейной. Обстановка была ужасающей. Только на основании так собранного материала писал Владимир Ильич корреспонденции и листовки».

Зато и на фабрике сразу же поверили, что листовку «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» писал кто-то из своих, из фабричных.

Было этих листовок всего несколько десятков и, наверное, это чудо, что одна из них сохранилась до наших дней.

Листовка призывала ткачей держаться до конца, бастовать, пока хозяин не отменит своих наценок. И англичанин Торнтон сдался, отступил.

То на одном, то на другом заводе происходят волнения рабочих. И охранка взволнована не на шутку: что за «Союз борьбы»? Где он? Велик ли? Прибавилось работы полицейским ищейкам, с утра до ночи шныряют по городу. Но и революционеры начеку. Со дня своего приезда в 1893 году В. И. Ленин шесть раз меняет адреса. Только осенью 1895 года несколько раз переезжает он с квартиры на квартиру.

И продолжает борьбу. Вслед за листовками Ленин пишет брошюру «Объяснения закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Чтобы сбить полицию с толку, местом издания на брошюре обозначен город Херсон.

Но много ли можно рассказать в рукописных листовках, в маленькой брошюре? Вот если бы иметь свою газету!.. И Ленин задумывает издание такой газеты — «Рабочее дело». Для её первого номера он сам пишет статьи: «К русским рабочим», «О чём думают наши министры?», «Фридрих Энгельс». Сам и переписывает их для набора.

Это встревожило Петра Запорожца. «Не дело это,— подумал Пётр Кузьмич,— стоит рукописям попасть в лапы к «фараонам», сразу же найдут, кто писал!» И он переписывает все ленинские статьи своей рукой.

Конечно, Запорожец был прав. Предусмотрительно и надёжно прикрыл он собою Ильича. Когда велось следствие по делу «Союза борьбы», все захваченные тексты полиция приписала Петру Кузьмичу, и даже на самой папке со следственными материалами было крупно начертано: «Дело Запорожца».

Не суждено было «Рабочему делу» дойти до заводских цехов. Царской охранке удалось выследить руководителей «Союза борьбы». В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года был арестован и Владимир Ульянов.

В те годы на Шпалерной улице (ныне улица Воинова) стояла печально знаменитая тюрьма — Дом предварительного заключения. Много борцов за свободу томились здесь в тесных камерах. Рассовали по камерам-одиночкам и членов «Союза борьбы». Лязгнула замком камера № 193, закрывая дверь за Владимиром Ильичём.

Но совсем немного времени прошло, и Ленин сумел связаться с оставшимися на воле товарищами. «Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так и в тюрьме он был центром сношений с волей», — вспоминала Н. К. Крупская. Прежде всего Владимир Иль-

ич заботится о товарищах, арестованных вместе с ним: пользуясь шифром и книгами тюремной библиотеки, пишет им в камеры, подбадривает, поддерживает. «В каждом письме на волю, — вспоминала Н. К. Крупская, — был всегда ряд поручений, касающихся сидящих: к такому-то никто не ходит, надо подыскать ему «невесту», такому-то передать на свидании через родственников, чтобы искал письма в такой-то книге тюремной библиотеки, на такой-то странице, такому-то достать тёплые сапоги...» А помочь, поддержать друзей было необходимо: не всякий мог выдержать одиночное заключение. Неизлечимо заболел нервным расстройством П. К. Запорожец, обнаружился туберкулёз у А. А. Ванеева. И чем ещё мог помочь им Ильич, кроме тёплой дружеской переписки? «Я не в состоянии, — вспоминал спустя годы сидевший тогда же на Шпалерной Г. М. Кржижановский, — воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичём, но отчётливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приёму какого-то особо укрепляющего и ободряющего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно».

Не смогли тюремные стены оторвать Владимира Ильича и от борьбы. Там, «за семью замками» пишет он для рабочих брошюру «О стачках», листовки «Рабочий праздник 1 мая» и «Царскому правительству». Пишет и передаёт на волю.

Как он это делает? С виду очень даже просто. Вылепит из хлебного мякиша чернильницу, нальёт туда молока и пишет в какой-нибудь книге между строчками. Чуть шаги за дверью — «чернильницу» в рот. Вкусно, питательно!.. А строчки, написанные «химией», как тогда говорили, потом «проявит» на воле Надежда Константиновна Крупская, перепишет и отправит куда надо.

И не только листовки и брошюры писал Ленин в тюрьме. Там он задумал написать огромную книгу: «Развитие капитализма в России» и начал над ней работу. «За все 14 месяцев отсидки, — вспоминал тот же Г. М. Кржижановский, — мне ни разу не пришлось где-нибудь столкнуться с Владимиром Ильичём в каком-нибудь из длинных коридоров предварилки... Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчёт, что пожирателем этих книг мог быть только один Владимир Ильич». Два раза в неделю с пачками книг в руках приходила в тюрьму сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична. Из каких только библиотек не попадали в предварилку книги в те 14 месяцев!

Наконец 13 февраля 1897 года было объявлено «высочайшее повеление»: Владимир Ульянов высылался в Восточную Сибирь сроком на три года. Но ещё раньше, когда Ленин был выпущен из Дома предварительного заключения, небольшой «сюрприз» получила полиция. Господа жандармы считали, что «Союз борьбы» ликвидирован раз и навсегда. И вдруг на стол перед ними городской положил новую листовку. Свеженькую!

«...Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавить рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнёта капитала. Товарищи! Будем по-прежнему дружно защищать свои интересы».

Под листовкой стояла подпись: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Чины полиции полагали, что борьба закончена, а она ещё только начиналась. И скоро уже не листовки в заводские районы, а круглые булыжины из мостовой полетят в головы «фараонов».

Булыжных мостовых в нашем городе давно уже не осталось. Асфальтом покрылись улицы и проспекты. Но возле домика на Ново-Александровской булыжины лежат. И не подумайте, что этот участок города просто забыли заасфальтировать. Нет, эти булыжины — экспонат музея. Да и сам домик стал музеем.

8 августа 1967 года, когда исполнялось сто лет со дня рождения Василия Андреевича Шелгунова, рабочие района открыли здесь Народный музей революционной истории Невской заставы. Собрали множество интересных документов, старинных фотографий, газет, брошюр, заботливо благоустроили площадку возле домика, посадили молодые серебристые ёлочки, у кромки площадки установили большой гранитный куб с барельефом Владимира Ильича. Саму же площадку решили покрыть булыжником — пусть она будет такой, какою была в конце прошлого века.

Прошли долгие годы, прежде чем встретились старые бойцы первых отрядов партии: Владимир Ильич Ленин и Василий Андреевич Шелгунов.

19 июля 1920 года в Таврическом дворце состоялось открытие II конгресса Коммунистического Интернационала. Много делегатов съехалось туда: из нашей страны, из стран капитала. Из-за стола президиума Ленин внимательно оглядывал зал. Вдруг он прищурился, всматриваясь в последние ряды, даже привстал... Там, почти у стены, сидел человек в тёмных очках. Ленин вышел из-за стола президиума и быстро пошёл к последним рядам.

Шелгунову, очевидно, подсказали, что к нему идёт Владимир Ильич, и он тоже встал. Огромный зал не понимал, что происходит, но все делегаты увидели, как Ленин подошёл к человеку в тёмных очках и они крепко обнялись: два старых боевых друга, учитель и ученик, солдаты одной партии. «Мне кажется, — вспоминал делегат конгресса И. Ольбрах, — что они не сказали друг другу ни слова. И всё же их встреча была прекрасна своей яркой человечностью».

Рис. В. Орлоза

23 января 1979 года стартовал Всесоюзный марш, посвящённый 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Девиз марша — «Пионеры всей страны делу Ленина верны».

«Искорка», дорогие пионеры, вместе с вами шагает по маршрутам пионерского марша.

На страницах журнала будут печататься материалы, посвящённые жизни и деятельности В. И. Ленина. Вместе с вами совершим мы экскурсии по ленинским местам, посетим ленинские музеи, постоим у памятников Ленину. В нашем журнале будут напечатаны рассказы и очерки о соратниках В. И. Ленина и о его последователях. Встретитесь вы и познакомитесь на наших страницах с героями войны и труда, с гвардейцами десятой пятилетки.

Вместе с вами «Искорка» пройдёт маршрутами, хорошо вам знакомыми. Вы прочтёте стихи, рассказы и очерки о нашей Родине, мы поможем вам войти в «Страну знаний» и «Мир прекрасного», познакомим вас с правофланговыми отрядами и пионерами-активистами, расскажем о жизни детей в других странах.

Читайте в нашем журнале материалы, посвящённые пионерскому маршу «Пионеры всей страны делу Ленина верны»!

НИКА

Глава 8

ПРОШУ ЗААКТИРОВАТЬ!

Я уже подходил к своему дому, как вдруг увидел странную картину: навстречу мне шёл тощий, свирепого вида дядька в коричневом плаще «болонья» и в войлочных до-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1, 3.

машних шлёпанцах. Дядька держал за руку Мишку, на котором был какой-то потёртый стёганный ватник с пятнами краски. К тому же ватник был очень большой и доходил ему чуть ли не до колен. Дядька шёл быстро и целеустремлённо, а Мишка отставал, шагая явно без энтузиазма. Получалось, что дядька вроде как даже тащил Мишку. Я сразу догадался, что случилось что-то недоброе и что Мишку куда-то ведут. Было ясно, что его надо выручать. Я решил огоршить дядьку каким-нибудь необычным вопросом, чтобы Мишка смог выскользнуть из его клешни.

Когда мы поравнялись, я шагнул навстречу дядьке, так что он чуть на меня не налетел, и громко сказал:

— Простите, товарищ. Одну минутку. Не скажете, как пройти в Кунсткамеру?

Дядька остановился и, выпучив на меня глаза, быстро проговорил неожиданно писклявым голосом:

— Что?! В камеру? Это близко, это мы сейчас быстро устроим. — И он понёсся дальше, не выпуская Мишкиной руки.

— Да вы меня не поняли, товарищ! — закричал я и побежал следом. — Кунсткамера — это музей такой. Его ещё Пётр Первый основал. В восемнадцатом веке. Там всякие необычные вещи собраны.

— Мальчик, отстань от меня со своим Петром Первым! — закричал дядька. — Ты видишь, мне некогда.

Я понял, что такого ничем не прошибёшь, и решил идти в открытую.

— Мишка, куда он тебя тащит? Что случилось?

— Говорит, в милицию, — ответил Мишка.

— Ах, так вы знакомы, — злоецо сказал дядька. — Сообщники, значит. Ну, я так и думал. Ещё и лучше. — И он попытался схватить и меня за руку. Но я вовремя отскочил.

— Нечего меня хватать, — сказал я. — Я и сам пойду.

— Вот и хорошо, — сказал дядька. — Сейчас мы всё и заактируем. Всё по закону.

Вскоре мы подошли к отделению милиции. Дядька с Мишкой вошли первыми. Я за ними.

У стола за деревянным барьером сидел очень грузный пожилой милиционер с седыми кустистыми бровями и большой лысиной. Казалось, он спал. Я сразу подумал, что ему, наверное, очень трудно бегать по крышам и чердакам за преступниками.

Как только мы вошли, дядька схватил меня за руку и сказал:

— Вот. Лично задержал и доставил. Прошу заактивировать.

Милиционер поднял голову:

— Что вы просите?

— Заактивировать. Акт, стало быть, составить. — И дядька подтолкнул нас к барьеру. Наверное, он думал, что на нас сейчас же наденут кандалы.

— Всё по порядку, пожалуйста, — сказал милиционер. — Что. Где. Когда.

— Понял, — сказал дядька. — Значит, так, даю показания. Сегодня около четырёх, а точнее в пятнадцать сорок шесть, этот подозрительный тип в ватнике позвонил ко мне в квартиру и стал спрашивать какие-то плащи. Но меня на мякине не проведёшь. Да и дверь у меня с цепочкой. Я ему говорю: «Сейчас, мальчик, я тебе плащи вынесу». Сам быстренько оделся, схватил его — и к вам. А по дороге сообщник его объявился, хотел дружка выручить. Всё зубы мне заговаривал. Но и я не лыком шит.

— Так, — сказал милиционер и взял со стола ручку. — Ваше имя, фамилия и адрес.

— Пожалуйста. Мануилов Вениамин Кондратьевич. Петровский, одиннадцать, квартира пять. Работаю оператором. Газового котла. Между прочим, у меня уже два номера «Человека и закона» из почтового ящика пропало. Надо проверить, товарищ капитан, не их ли рук дело.

— Не волнуйтесь, товарищ оператор газового котла. Проверим. Всё проверим.

— Надеюсь, о результатах следствия вы мне сообщите?

— Мы вас вызовем повесткой. Можете идти.

Дядька ушёл, с сожалением отпустив наши руки. Ему, наверное, страшно хотелось попросить автомат и постоять около нас в карауле.

— Ну, что там у вас? Выкладывайте, — сказал милиционер как-то совсем по-домашнему.

Мы ему всё честно рассказали про то, как мы ходили по лестницам и зачем нам эти плащи.

— Это ж надо, — сказал милиционер. — Мы в своё время всё самолёты делали. Да чтоб непременно с мотором. А теперь вон чего придумали. Ракеты запускаем, а на воздушном змее кататься хотим. Корабли на подводных крыльях носятся, а люди лодку из камыша свяжут, парус поставят и — вперёд. По морям, по волнам. Этак вы скоро телеги да кареты мастерить начнёте и на лошадях поедете.

Милиционер замолчал и о чём-то своим задумался. Потом спросил у Мишки:

— А ты чего так одет? Работашь, что ли?

— Нет,— сказал Мишка.— Просто я до этого ещё несколько квартир обошёл. Вот в одной мне этот ватник и сунули. Я в руках его таскал-таскал, потом взял и на себя надел.

Милиционер засмеялся. И мы с Мишкой тоже засмеялись. Потом милиционер сказал:

— Эх, хорошо ещё, что вам для паруса не габардин или бостон понадобился. Ну, идите по домам.

Мы попрощались и хотели уже идти, но милиционер вдруг сказал:

— Погодите минутку. Вот вы этот самый воздушный змей делаете, а я на старости лет тоже в детство впал. Не поверите, стихи стал писать. Нет, уж вы не подумайте, не лирику там какую-нибудь. Стихи, так сказать, по моему профилю. И с воспитательным уклоном. Одним словом, о правилах дорожного движения. Вы бы прочли, ребята, а?

Он порылся в столе и протянул нам лист бумаги. Вот что там было написано:

*В стужу, в зной иль в воскресенье
Помни правила движенья!
Если красный свет горит,
Стой, хоть ты не инвалид!*

*Жёлтый свет на светофоре,
Будь готов — пойдёшь ты вскоре!*

*Свет зелёный — можешь с песней
Перекрёсток пересечь ты!*

— Ну как? — робко спросил милиционер. — Доходчиво?

— Мне понравилось, — честно сказал Мишка. — Очень всё доходчиво. Красный — нужно стоять, жёлтый — приготовиться, а зелёный горит — иди себе спокойно.

— Мне тоже понравилось, — сказал я. — Вот только...

— Ну-ну, говори, не стесняйся, что тебе не понравилось? Мне это очень важно.

— Понимаете, вот здесь в конце: свет зелёный — можешь с песней перекрёсток пересечь ты. Мне кажется, «с песней» — это не очень хорошо. Ведь если будешь переходить улицу и петь песни, начнёшь отвлекаться, забудешься и не заметишь, как красный загорелся.

— Умница! — воскликнул милиционер и даже вскочил из-за стола. — Светлая голова! Как это я такую важную деталь не заметил! Надо обязательно исправить.

— Может быть, так написать, — сказал я. — «Свет зелёный — можем вместе перекрёсток пересечь мы».

— Как, как ты, мальчик, сказал? «Можем вместе перекрёсток пересечь мы». — И он принялся записывать.

Мы снова распрощались, а милиционер вдруг сказал:

— Да, вот что, друзья. Мне тут недавно новый плащ выдали. Тоже из «болоны». Так что старый мне ни к чему. Зайдите ко мне завтра.

Глава 9

ПОРТРЕТ ГЕРЦОГИНИ

На следующий день я опоздал в школу. Из-за трамвая. Нет, в школу я хожу пешком. Тут совсем близко. Но по дороге я увидел, как на перекрёстке люди толкали трамвай. Потом один моряк объяснил мне, что трамвай попал в «мёртвую зону» и для того, чтобы он поехал, его нужно было немного сдвинуть.

Согласитесь, не каждый день мы видим, чтоб люди толкали трамвай. И пройти мимо я, конечно, не мог. Я тоже стал толкать. Тут само собой дирижёр нашёлся, который громко кричал: «Раз, два — взяли! Ещё — взяли!» Был здесь и теоретик, который говорил, что надо грузовик подогнать и грузовиком толкнуть. В общем, было шумно и весело. А потом какой-то мальчишка маленький подошёл, тоже толкать стал, и трамвай сразу поехал. Ну

точно в сказке про репку, когда мышка пришла.

В школьной раздевалке я вдруг увидел весь наш класс. Ребята одевались. С ними была Мария Николаевна. Она меня, конечно, сразу увидела.

— Титов, я засчитываю тебе опоздание, хотя занятий в школе не будет. Учтите, мы идём не развлекаться, а работать. У нас тематическое мероприятие: «Герои Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года». От класса никому не отрываться, по залам не бегать, громко не кричать.

Как будто можно кричать тихо.

Мишка объяснил мне, что мы идём в Эрмитаж, что Янина Георгиевна заболела и поэтому с нами идёт Мария Николаевна. Но как можно пойти в Эрмитаж и не посмотреть египетскую мумию и рыцарские доспехи? Особенно хотелось нам с Мишкой посмотреть доспехи. Мишкин сосед сказал нам как-то, что современные люди стали гораздо крупнее и что обыкновенный мужчина нашего времени не поместится в латы древних рыцарей. Мы хотели это проверить.

В музее мы незаметно оторвались от класса и сперва побежали в зал, где были мумии. Там Мишка всё время порывался сравнить, больше ли современный человек, то есть он, древнего египтянина.

— Чудик, — сказал я, — как ты можешь сравнивать? Они же сущёные.

В рыцарском зале мы были долго. Доспехи и вправду оказались маленькими, но уж очень хотелось сравнить поточнее. Мы старались приложить то руку, то ногу, и всё кончилось тем, что нас выставили из зала.

— Бежим наших искать, — сказал я. — А то попадёт.

Когда мы пробегали через один небольшой зал, у Мишки развязался шнурок, он оступился и полетел на пол. Пока он поднимался и возился со шнурком, я подошёл к женщине, которая дежурила по залу, и спросил:

— Скажите, пожалуйста, где у вас тут можно Нику посмотреть?

— Нику? Ты, мальчик, имеешь в виду греческую богиню победы?

— Да, богиню победы.

— Изображение Ники встречается у очень многих живописцев. Я так сразу не могу ответить. Но здесь, — она обвела глазами зал, — здесь, пожалуй, Ники нет.

Я тоже огляделся. И вдруг... Вдруг я увидел такое, что даже рот от удивления разинул. На одной из стен в массивной позолоченной раме висел портрет Марии Николаевны! То есть не то чтобы совершенно она. Там была нарисована старинная молодая женщина в голубом платье. Но лицо! Лицо женщины походило на лицо нашей учительницы.

— Мишка, ты посмотри, кто висит! — сказал я.

Мишка подошёл и посмотрел.

— Портрет висит, — сказал он. — Ну и что?

— А кто на портрете, не видишь разве?

— Так тут же написано: «Томас Гейнсборо. Портрет герцогини де Бофорт».

— Это же Мария Николаевна!

— Ты что, спятил? Тут ясно сказано: герцогиня. Тыща семьсот семидесятый год. Да и с каких это дел нашу Марию в Эрмитаже будут вешать?

— Да я ж не говорю, что это именно она. Но похожа-то как!

— Нет, — сказал Мишка. — Скорей на нашу кассиршу из булочной похожа. Только у кассирши шея короче и губы больше накрашены.

«Как же он не видит!» — подумал я и даже разволновался.

— Ну как бы тебе объяснить, — сказал я. — Вот когда она нам чистку мозгов устраивает или новый материал объясняет, тогда не похожа. А бывает, мы делаем самостоятельную работу, а она стоит себе у окна и про что-то думает. Вот тогда похожа! Ты вспомни!

— Чего-то ты того говоришь, — задумчиво сказал Мишка и поскрёб затылок. — Вообще, конечно,

если платье другое, очки там, нос немного подлиннее...

— Ну, видишь?

— Ага, есть немного.

Пора было уходить. Мы разыскали свой класс и хотели неважно смешаться с ребятами, будто никуда не уходили. Но не тут-то было.

— Явились, голуби,— сказала Мария Николаевна.— Имейте в виду, я буду считать, что вы прогуляли занятие. Я ведь предупреждала: у нас тематическая экскурсия. Такой же урок, только вне школы. И никто не имеет права...

«Нет, не похожа,— думал я.— Ошибся». Тут мне ужасно захотелось всё проверить. Сделать так, чтобы Мария Николаевна стояла рядом с портретом и можно было бы сравнить. Ведь не мог же я так ошибиться. Тогда я взял и сказал:

— Мария Николаевна, а мы ваш портрет видели.

— Что видели?! — запнулась она и посмотрела на меня так, будто я по-японски или по-гречески говорить начал.

— Портрет ваш. То есть не ваш, конечно. Там одна герцогиня нарисована. Но похожа просто потрясающе!

— Где? Не может быть! Пусть покажут! — закричали ребята.

— Да тут близко,— сказал я.— Если хотите, мы проводим.

Я видел, что Мария Николаевна растерялась и не знала, что делать.

— Можно, конечно, сходить взглянуть,— неуверенно сказала она.— У нас, правда, другая тема...

Через минуту мы были в том зале. Ребята столпились у портрета, а я сказал:

— Мария Николаевна, вы только очки снимите. Пожалуйста. На одну секундочку.

Мария Николаевна совсем растерялась. Она засмузилась, порозовела и сняла очки. А потом распрямилась и как-то очень хорошо, застенчиво улыбнулась. Ребята вокруг притихли, поглядывая то на портрет, то на Марию Николаевну. А Мишка толкнул меня в бок и сказал шёпотом:

— А ведь действительно похожа!

Но все услышали Мишкин шёпот, засмеялись и весело закричали: «Похожа! Похожа!» — совсем позабыв, что у нас тематическое занятие и что громко кричать запрещается.

Глава 10

ЗАКРОЙТЕ ГЛАЗА, ОТКРОЙТЕ РТЫ!

Хорошая вещь — энциклопедия! Про всё на свете там написано. Хочешь ты, к примеру, узнать, кто такой был Дельбрюк. Пожалуйста. Дельбрюк — немецкий военный историк. К тому же ещё два Дельбрюка есть. Один — лингвист, другой — физик. Или вот нужно тебе выяснить, что такое декстрины. Оказывается, это промежуточные продукты ферментивного гидролиза полисахаридов. Всё ясно. Вот только про дельтапланы в энциклопедии не написано ничего. Не успели, наверно, ещё.

Зазвонил телефон. Мама сняла трубку:

— Ах, Верочка! Добрый день. Дома, дома. Сейчас позову. Дима, тебя!

Я закрыл энциклопедию, не спеша поставил её на полку и зашаркал к телефону.

— Ну что ты как сонная муха,— сказала мама,— Вера ждёт.

Я взял трубку.

— Дима,— сказала Вера,— возьми своего друга и срочно зайдите ко мне. Есть важное дело.

— А что случилось?

— Всё узнаете, когда придёте. Жду.— И она повесила трубку.

«Что там за важное дело? — подумал я.— И зачем ей понадобился Мишка?»

— Мам, я ухожу,— сказал я.

— Иди, иди,— с готовностью согласилась мама.— Только, мне кажется, неплохо бы сменить рубашку.

Но я успел вовремя выскользнуть за дверь. Кое-как я объяснил Мишке, куда мы идём. Мишка ничего не понял, но стал одеваться. Когда мы поднимались по Вериной лестнице, Мишка всё время бубнил:

— Не понимаю, зачем ты меня тащишь. Шёл бы один. Я-то тут при чём?

Но я ему ничего не отвечал, потому что и сам не знал, при чём тут Мишка и при чём тут я сам.

Вера провела нас в комнату и церемонно усадила на диван.

— Ну мальчики, у меня для вас сюрприз, — сказала она. — Прошу закрыть глаза.

— А рот открывать? — спросил я.

— Необязательно.

Но через минуту мы с Мишкой и вправду рты разинули. От удивления. Вера вынесла из прихожей большую спортивную сумку, открыла застёжку и, как фокусник, начала выкладывать оттуда плащи из заветного материала «болонья»!

— Восемь штук, — сказала она. — Можете пересчитать.

— Колоссально! — сказал Мишка. — «В мире иллюзий», честное слово!

— Как это тебе удалось? — спросил я.

— Очень просто, — ответила Вера. — Я взяла и сказала ребятам из своего класса, что пионеры соседней школы делают важное и полезное дело — строят дирижабль.

— Да не дирижабль, — сказал Мишка, — а дельтаплан.

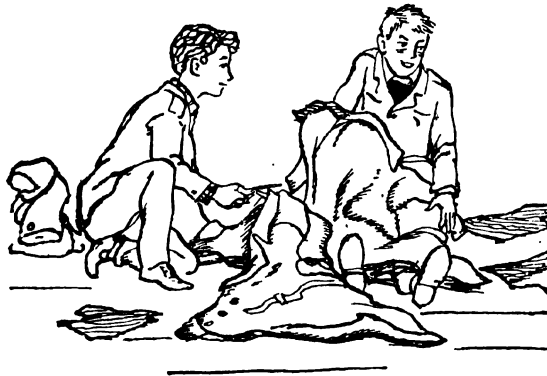
— Ну, я оговорилась. Но это неважно. Да, кстати, один из этих плащей мне дядя Гриша дал. Но с условием — он сказал, чтобы мы обязательно полетали над его будкой. А потом приходили бы к нему на пироги.

— Что за вопрос — сказал я. — Обязательно летаем. А сейчас начнём кроить наш парус. Вера, доставай ножницы.

И в этот момент раздался звонок в дверь.

Рис. П. Вискова

(Окончание следует)

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Пожалуй, у нас в Ленинграде ещё такого не было — чтобы у школьника вышла в свет настоящая книжка стихов. Такая книжка есть у Володи Иванова. Она вышла в издательстве «Малыш», а называется она «Белый конь». Возьмите в библиотеке эту книжку, и вы увидите, каким точным и тонким чувством природы обладает её автор.

Володя пишет стихи давно, занимался много лет в кружке при газете «Ленинские искры». В этом году он кончает школу и мечтает поступить в Литературный институт имени Горького. Пожелаем ему удачи!

Владимир ИВАНОВ

Рисунки Л. Коломейцевой

Бегал ветер по долинам,
Бегал по полям,
Простудить зверей старался,
Простудился сам.
И всю ночь
Над крышей вился,
В двери к нам стучал.
Обогреться ли просился
Иль озорничал?
Головой качали липы

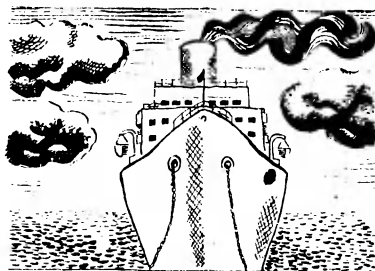
Под моим окном,
Возмущаясь, что я ветер
Не пускаю в дом.

На рассвете призрачном
Брызнула роса,
Чтоб своею влагою
Напоить леса.
Солнце поднимается
В мягкой тишине,
Жаром разливается,
Радуюсь весне.
Пусть не обижается

Море вдалеке,
Что лучи купаются
В нашем озерке.

Надо мною тучи встали,
Синим морем — небосвод.
И с собою тучи звали
Старый белый пароход.
Пароход гудит лениво:
— Не пойду я, тучи, с вами.
Это очень некрасиво —
Плыть по морю вверх ногами.

В ЭТОМ ГОДУ в издательстве «Детская литература» будет напечатана книга Валерия Воскобойникова «Товарищ Емельян». Книга рассказывает о жизни Емельяна Ярославского — соратника В. И. Ленина по революционной борьбе.

В далёком Забайкалье Ярославский был организатором первых подпольных групп РСДРП. Ленинская «Искра» постоянно печатала его сообщения и статьи из Сибири.

Российским жандармам он казался неуловимым.

Он был членом Петербургского и Московского комитетов партии большевиков, а в 1906—1907 годах руководил работой боевых и военных операций партии. Потом потянулись долгие годы каторги... В революционные дни Ярославский стал первым комиссаром Московского Кремля.

Верный соратник Ленина, каждый день своей жизни Ярославский отдавал борьбе за дело революции.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Соратник Ленина

(ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ)

В МЕЖДУНАРОДНОМ ВАГОНЕ

Сквозь окна вагона грело мартовское солнце. Была весна 1902 года. Поезд приближался к русской границе.

В купе второго класса ехал молодой человек двадцати четырёх лет, страстно увлечённый ботаникой. Всю дорогу до границы он беседовал с пожилым отставным чиновником о редких растениях, о травах Центральной Европы и о медоносных цветах Забайкалья. Он открывал чемоданы и показывал планшеты, наполненные засушенными листьями, стеблями, цветами.

— Гербарии для музеев Забайкалья, — объяснял он пожилому по-

путчику. Молодой человек сопровождал за границу большую родственницу, а теперь возвращался домой.

— Вы мне положительно нравитесь, — говорил чиновник молодому человеку, — и этой своей увлечённостью науками и равнодушием к делам политическим. Теперешнее поколение молодых людей разъедает политика! Вы только подумайте, — говорил чиновник шёпотом и оглядывался, хотя в купе никого больше не было, — на саму царскую фамилию смеют замахиваться! Листовки печатают, прокламации!

Молодой человек слушал, согласно кивал в ответ, улыбался. На пограничной станции вошли жандармы. Документы у пассажиров были в порядке. Начался осмотр вещей. Молодой человек с удовольствием принялся показывать гербарии, открыл солидное научное издание — «Труды Юрьевского ботанического сада за 1901 год». Там, на страницах 101 и 203, были помещены две статьи молодого человека о неизвестных науке растениях, найденных им в Забайкалье.

Жандармский офицер вежливо кивал головой, ему было некогда слушать рассказы о медоносных травах, он пробежал глазами по другим вещам пассажиров, отдал честь и вышел.

— Кажется, пронесло, — облегчённо вздохнул чиновник.

— Что пронесло? — недоумённо спросил молодой человек.

— Я везу некоторые личные письма, которые мой бывший начальник в молодые годы писал одной особе.

Сами понимаете, они не для посторонних глаз.

Он приподнял подкладку у шляпы, вынул оттуда исписанные, пожелтевшие листочки, аккуратно вложил их в конверт и спрятал в глубину чемодана.

— Завидую вашему покою. Какие к вам могут быть придирки: травы — они и есть травы. А мне с этим поручением — одни волнения.

— Да, вы правы, — согласился молодой человек, скромно улынувшись.

Звали молодого человека Минеем. В своих коробках с травами под вторым дном он провёз через границу большой транспорт нелегальной литературы. Это были прокламации, книги, номера ленинской газеты «Искра» — всё, что так ждали в Сибири и Забайкалье. Литературы хватало и для Читы и для Иркутска.

А гербарии были настоящие. Миней уже давно увлекался ботаникой и под руководством известного революционера, отбывшего в Забайкалье каторгу, Алексея Кирилловича Кузнецова собрал для нескольких музеев богатые коллекции. И статьи в научных трудах тоже были его, собственные. Так что, действительно, он мог пересекать границу спокойно.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СИБИРИ

Начало сентября 1903 года в Петербурге было дождливым. Мелкий монотонный дождь не переставал уже несколько дней. Было мокрому всё — стены домов, знаменитые петербургские памятники, одежда прохожих. Даже с извозничьих лошадей стекали тяжёлые капли воды. Прохождение на улицах горбились, прятали головы в плечи, шли медленно, выбирая дорогу между лужами.

В такой день прибыл в Петербург молодой человек двадцати пяти лет Владимир Семёнович Лапин. На вокзале его никто не встречал, не бросался на шею с объятиями. Молодой человек, радостно щурясь, оглядел толпу, протёр пенсне, нацепил его на нос и уверенно двинулся к вокзальной площади. Слежки не было.

Приезжий шёл спокойно, уверенно. И никто не догадывался, что в Петербурге он впервые, и что сейчас из всех сил он старается забыть своё прежнее имя — Миней. Теперь он был не читинским жителем. Нет, теперь он был иркутским мещанином Владимиром Семёновичем Лапиным — таким паспортом его снабдили иркутские товарищи перед отправкой в Петербург.

У парадного подъезда богатого дома стоял пожилой мужчина могучего телосложения — дворник. Это был как раз дом номер двадцать на Фурштатской улице... Приезжий засомневался — вдруг перепутали товарищи адрес, может быть, дом другой — рядом какой-нибудь. Уж слишком важный дворник стоял у парадного. И опять же, если дворник спросит: «К кому вы?» Должен ли он говорить, что он идёт к госпоже Стасовой, ведь другую фамилию не назывёшь — дворник здесь всех знает. Решил пройти спокойно, не показывая волнения. Дворник лишь оглядел его, но ничего не спросил.

ТОВАРИЩ ЕМЕЛЬЯН

Дверь открыла горничная, позвала хозяйку. В прихожую вышла красивая дама лет тридцати. Это была Елена Дмитриевна Стасова. Она приветливо улыбнулась, пригласила в глубину квартиры. Приезжий вынул записку, написанную мелкими буквами на лоскутке материи. Записка была вшита под подкладку, и заметить её было невозможно.

— Очень хорошо, что вы приехали, — сказала Елена Дмитриевна, — практические работники нам сейчас необходимы.

Пили чай и говорили об Иркутске, о Чите. Многие Елена Дмитриевна, оказывается, уже знала.

— Статьи ваши в «Искре» я читала и кое-что о вас тоже слышала. Как вы посмотрите, если мы введём вас в Петербургский комитет?

— Когда?

— Завтра на заседании.

Он был готов сидеть в подвале какого-нибудь дома и печатать на гек-

тографе прокламации или разносить их в рабочие районы. Был готов, живя неделю-две среди рабочих, организовать кружок, потом другой, третий. Но быть членом самого главного в России Петербургского комитета партии!

— Я боюсь, не сумею... — он смущенно замолчал, а потом заговорил быстрее, чтобы Елена Дмитриевна не подумала, что он хочет отлынивать от работы, — я пропагандистом могу, умею на гектографе печатать, сам варил массу.

Елена Дмитриевна улыбнулась:

— Здесь это искусство не понадобится. Гектограф для нас — прошлый день. А город вы узнаете, сразу окупётесь в жизнь. У нас сейчас в комитете тяжёлое время — половина членов комитета только что арестована, за многими — слежка. Связи с рабочими растеряны, вам придётся устанавливать их заново. Вам будет даже легче — вы человек для здешней полиции совершенно новый, и раскусит она вас не скоро. Завтра на заседании я так товарищам и доложу.

Они разговаривали ещё долго.

— Дворник у вас важный. Я даже испугался его сначала.

— Я и сама его долго боялась, он служил в Преображенском полку, царя охранял. А недавно прямо перед ним у меня развалился тюк с литературой, у него под ногами. И он сделал вид, что не понимает, какие это книги. Помог мне их быстро собрать, перевязал. Полиция несколько раз интересовалась гостями, он тоже предупреждал меня. Можно сказать, он нам сочувствует. Но вам на эту квартиру больше приходить не следует, я дам адрес явочной квартиры.

Они договорились встретиться через день, и Елена Дмитриевна сказала:

— Кстати, псевдоним вы себе выбрали?

— Может быть, как по паспорту, — Лапин?

— Можно и по паспорту. Но так полиция вас сразу отыщет, если раскроет псевдоним.

— В Чите меня однажды называли — Коэффициент.

— Ну, знаете, я — Абсолют, вы — Коэффициент. Нет, так не годится. Надо простое, обычное имя. Емельян — подходит?

— Подходит.

— Отлично. Итак, завтра я вас буду рекомендовать товарищам.

НОВЫЙ АРЕСТ

Прошло два года. Революционная работа по городам России. Тюремные камеры, голодовки, побеги. Весной 1906 года Емельяна Ярославского снова арестовали. Был конец марта, с московских домов свисали прозрачные сосульки, в лужах купались воробы. А их везли в деревянной полицейской карете в арестный дом. Такие кареты называли собачниками. Может, потому, что были они из досок, словно собачьи будки. По дороге Емельян прорезал перочинным ножом небольшую дыру. Ехали бы дальше — может, удалось бы и сбежать.

Арестовали их нелепо. Из Петербурга, из других городов приехали в Москву на конференцию военные работники — люди, которые вели партийную работу среди солдат. Конференцию устроили на квартире. Никакой слежки никто за собой не чувствовал. Но только Емельян начал первый доклад о том, как идёт работа среди солдат московского гарнизона, вдруг раздался звонок — вошла полиция.

Всё-таки успели уничтожить записи, пока жандармский офицер шёл по коридору в комнату. Делегаты не называли даже своих имён. Их так и записали: «неизвестный, который отказался назвать себя. Второй неизвестный, который отказался назвать себя. Неизвестный в красной рубахе». А были здесь знаменитые революционеры — Землячка, Антонов-Овсёненко.

А через неделю ночью Емельян Ярославский и Антонов-Овсёненко сбежали через пролом в стене. Вместе с ними бежали и другие товарищи по камере. Накануне Ярослав-

скому удалось переправить платье Землячке. Через день сбежала и она.

Ярославский несколько дней отсиживался на квартире у знаменитого композитора Сергея Васильевича Рахманинова. Все полицейские Москвы, все сыщики искали сбежавших, но кто мог догадаться, что главарь беглецов здесь же, в самом центре Москвы, на квартире у композитора!

А через несколько дней Ярославский появился в столице Швеции, в Стокгольме, на четвёртом партийном съезде. Там он до хрипоты спорил с меньшевиками, отстаивал ленинские позиции, взгляды большевиков. Меньшевики сопротивлялись. Они боялись военной работы. За работу среди солдат судили трибуналы, грозил расстрел.

В СТОЛОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

В Петербурге в столовой Технологического института на Забалканском проспекте весь день было много посетителей. Здесь кормили обедами простыми, но вкусными. Поэтому, кроме студентов, заходили сюда поесть и небогатые чиновники и просто молодые люди, которые жили без семьи. А ещё здесь была явка Центрального Комитета партии. Сюда, в столовую, ежедневно в назначенные часы приходила Надежда Константиновна Крупская. Каждый, кто хотел посоветоваться с Лениным, сначала встречался с Надеждой Константиновной. Ленин прятался от полиции недалеко от Петербурга в финском местечке Куоккала, и адрес его держался в тайне.

В столовой Технологического института Емельян Ярославский увидел Надежду Константиновну. С тех пор, как на Таммерфорсской конференции большевиков ей понравился доклад Ярославского о работе на Волге, Надежда Константиновна всегда улыбалась радостно, здороваясь с Емельяном. Но сейчас он понял, что подойти к ней немедленно нельзя — она беседовала с

другим человеком. Наверняка, разговор их был конспиративным. И никому постороннему нельзя было его слушать. Таким же будет разговор и у Ярославского.

Пришлось походить по улице, подождать минут двадцать. Он вернулся и увидел, что Надежда Константиновна свободна. Он подсел к ней за столик, стал рассказывать о деле.

— Замечательно, что в Сибири побывали! — сказала она. — Владимир Ильич очень интересуется, как там налаживается работа.

Она подробно объяснила, как на финской станции Куоккала найти большую дачу «Ваза». Спрашивать у прохожих дорогу не стоило. Если каждый приезжающий к Владимиру Ильичу стал бы спрашивать дорогу, — это бы скоро насторожило полицию.

— Главная примета — большая застеклённая веранда, — говорила Надежда Константиновна. — Дача не очень уютная, для революции её используют давно. Если приедете с ночным поездом, входите, двери не запираются. В столовой найдёте кринку молока и хлеб, на диване — постель. Подкрепляйтесь и спите до утра.

РАЗГОВОР С ЛЕНИНЫМ

Емельян Ярославский ехал к Ленину и очень волновался.

Некоторые большевики считали работу в армии делом второстепенным! Главное — вести за собой массу, миллионы рабочих и крестьян, считали они, а с армией — уж как получится. Лучше сагитировать тысячу рабочих, чем десяток солдат и одного прапорщика.

«А что если и Ленин так думает? — волновался Ярославский. — Как доказать ему, что работа в армии необходима?»

Но доказывать не пришлось.

— Садитесь и пейте молоко. И обязательно закусывайте хлебом. — встретил Ленин Ярославского. — Нам принесят замечательное молоко.

Пришлось подчиниться и, вместо того, чтобы начать серьёзный разго-

вор, пить молоко. А Ленин, прохаживаясь вдоль веранды, начал немедленно выяснять о постановке военно-боевой работы.

— Вот вы говорите, есть у вас военно-техническая школа. И что же — рабочие, которые там учатся, стрелять из пулемёта умеют?

— Умеют, — подтвердил Ярославский, запивая хлеб молоком, — из пулемёта стреляют и бомбы делают.

— Хорошо, очень хорошо, — говорил Ленин. — А тактику уличных боёв — изучают? Могут они стать командирами в баррикадных боях?

— Этому их тоже учат опытные товарищи.

— Замечательно. И пусть лучше учат — бои нам ещё предстоят... Теперь насчёт конференции, — неожиданно начал первым Владимир Ильич. — Объединить работу военных организаций — идея правильная. Но будет крайне ошибочно, если военные работники захотят жить отдельно от партии. Я слышал, некоторые товарищи думают создать свой Центральный комитет — военный. Это вреднейшая мысль. У партии должен быть один Центральный комитет.

— Я с вами полностью согласен, Владимир Ильич.

— И очень правильно делаете. А тех товарищей, если они будут слишком увлекаться на конференции, вы, пожалуйста, одёрните.

Ярославский собрался уходить, когда уже стемнело. И Ленин спросил:

— Дорогу запомнили, не заблудитесь?

— Я же сибиряк, Владимир Ильич. Ни в одном лесу не заблужусь.

Он шёл через лес и удивлялся. Ведь он считал, что недели не хватит, чтобы рассказать о всех сложностях военной работы большевиков. А Владимир Ильич сумел выспросить всё за два часа.

ТАКИЕ СТРАННЫЕ ШПИКИ

Конференцию представителей военных и боевых организаций решили собрать в Финляндии. Когда поезд подъезжал к Таммерфорсу, Ярославский увидел в вагоне двух подозри-

тельных типов. Слишком часто они оглядывались на него. Один раз Ярославский повернулся к ним, они мгновенно отвернулись.

Делегатам сначала полагалось явиться в редакцию местной социал-демократической газеты. Там надо было сказать пароль, получить условный ответ. А дальше финские товарищи сообщали, где жить и где заседать. Газета выходила открыто — в Финляндии жилось свободнее. Но теперь, когда Емельян так удачно выбрался из Петербурга, всё срывалось!

Он вышел из вагона и оба подозрительных типа тоже вышли за ним. Один кивнул другому и отправился в город вслед за толпой пассажиров. Другой остановился в отдалении, исподтишка наблюдал за Емельяном. Глупее быть не могло!

Он пол-России объездил нелегально. А теперь, в последний момент, когда уже был за границей — подцепил шпики! Может быть, они следили за ним все эти месяцы, только он их не замечал? А теперь провалил дело и своих товарищей.

Он шёл по городу, в сторону от редакции, и шпики спокойно топал за ним. Город кончился. Уже стояли редкие деревянные домики, потом начался лес. Шпик невозмутимо шёл следом по лесной дороге. Емельян остановился под елью, оглядел его. Шпик тоже встал под деревом, закурил трубку. Это был здоровенный детина с лицом и руками рабочего.

«И такой в полицию подался! — думал Ярославский. — А драться с ним бесполезно — не осилить...» Особенно было обидно, что шпики не прячутся, а стоят преспокойно поблизости, раскуривают трубку. Ярославский повернул назад, шпики тоже двинулись, всё так же спокойно.

«В редакцию зайти можно, она легальная, — подумал Ярославский, — сообщу о слежке и сразу на вокзал.

А там как-нибудь на ходу поезда выпрыгну, хоть из окна. Главное сейчас — предупредить товарищей»...

Он снова вышел к центру города. Вот и редакция. Шпик остановился поблизости. Ярославский вошел в помещение. В комнате дежурил молодой финн. Ярославский сказал пароль. Молодой финн улыбнулся. Русские слова он выговаривал медленно, но пароль сказал правильно.

— Как доехали? — спросил он.

— Плохо. За мной следят. Шпика оставил у самой редакции.

— Около редакции? — переспросил молодой финн. — Это хорошо. Это так и должно быть.

— Так не должно быть! — Ярославский чувствовал усталость и отчаяние. — Вы не понимаете, как это страшно! Сюда приедут товарищи со всей России. Если их поймают, многим грозит виселица!

Финн поднялся и спокойно подошёл к окну.

— Этот сыщик вас провожал?

Шпик терпеливо стоял у дома напротив. «Меня поджидает», — подумал Емельян.

— Этот самый, — ответил он молодому финну.

— Сейчас я ему скажу, чтобы он ушёл.

Финн махнул сыщику рукой, тот согласно кивнул и пошёл по улице.

— Это наш товарищ. Мы встречаем на вокзале каждого русского. Если русский приезжий идёт в газету, значит, всё правильно. Если не идёт на явку — за ним следят, смотрят, какие у него в городе дела. А если русские войска или жандармы двинутся к городу, наши взорвут путь. Ваша конференция может работать спокойно.

Выступление Емельяна Ярославского на этой конференции Владимир Ильич назвал замечательным.

Рис. Ю. Шабанова

(Окончание следует)

В апреле 1979 года исполнилось 60 лет со дня первого коммунистического субботника. «Великим почином» называл В. И. Ленин это историческое начинание.

Сегодня трудно найти школьника, который не знал бы, что такое коммунистический субботник, не участвовал бы в нём.

А как проходил первый субботник!

С чего всё началось!

Журналисты, писатели, историки записали воспоминания участников первых красных суббот, по крохам собрали и сохранили документы об этом времени — ни одна мелочь, ни одна деталь не должны исчезнуть из нашей памяти. И поэтому сейчас мы можем день за днём восстанавливать хронику тех замечательных исторических событий.

К. КОСТИНА

КАК НАЧИНАЛСЯ «ВЕЛИКИЙ ПОЧИН»

Шёл 1919 год.

Молодая Советская республика переживала тяжёлое время. Революция была в опасности.

Адмирал Колчак с хорошо вооружённой армией наступал по всему Восточному фронту. В апреле бои велись в 85 километрах от Казани и Самары и в 100 километрах от Симбирска. На юге армия генерала Деникина, захватив Северный Кавказ и Донбасс, приближалась к Волге. На севере действовала белогвардейская армия генерала Мюллера, у границ Прибалтики — армия Юденича.

Тяжело было на фронтах, тяжело было и в тылу. В стране остановились многие заводы, не было топлива, голодали рабочие и их семьи. Рабочие получали по 50 граммов («по осмьюшке») — как говорили в то время) хлеба в день. Спичек, керосина, мыла, соли — не было. Здания не отапливались. На дрова разбирали деревянные заборы и ветхие дома. Свирипствовал тиф.

3 апреля 1919 года

Созвано чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабо-

чих и красноармейских депутатов. На заседании выступил Владимир Ильич Ленин. Он говорил о том, что над республикой нависла опасность, что на молодую страну направлены все силы международного капитала, который этой весной хочет дать республике смертельный бой.

— Надо продержаться, — говорил Ленин, — ещё три-четыре месяца, выправить тяжёлое положение на фронте и на транспорте. Для этого нужны силы.

— Где же взять силы? — спросил Владимир Ильич, обращаясь к собравшимся. И сам ответил на этот вопрос:

— Только рабочие, выпесшие на себе всю тяжесть нашей разрухи, когда борьба сменилась белогвардейскими нашествиями, когда они вследствие этого на себе испытали всю тяготу и приобрели этим большой опыт, — только эти рабочие, только эти наши передовые отряды могут нам помочь.

И ещё один вопрос выделил Владимир Ильич в своём докладе. Это вопрос о транспорте. «Работа по транспорту требует величайшего напряжения. Нужно, чтобы рабочие

Участники первого Коммунистического субботника в депо Москва-Сортировочная 12 апреля 1919 года. В первом ряду второй слева сидит И. Е. Бураков.

на каждом собрании ставили себе вопрос: чем мы можем помочь транспорту?»

На чрезвычайном заседании присутствовал Иван Ефимович Бураков, большевик, председатель ячейки большевиков станции Москва-Сортировочная. В партию он вступил в феврале 1917 года, красногвардейцем бился за Октябрьскую революцию, организовал в депо партячейку. Коммунисты выбрали его своим комиссаром. Иван Ефимович, как никто, знал положение дел в депо Москва-Сортировочная: на подъездных путях стояли «больные» паровозы, ржавели десятки вагонов, рабочей силы не хватало — многие ушли на фронт. Положение было столь тяжёлым, что пришлось временно отменить пассажирское движение, чтобы наладить доставку продовольствия и военных грузов. На депо Москва-Сортировочная была возложена обязанность обеспечивать паровозами все поезда, отправлявшиеся на фронт.

5 апреля 1919 года

В депо Москва-Сортировочная — собрание партячейки. Собрались в вагоне № 16. Это старый вагон с разобранными перегородками. На одной стене вагона — карта России с отметками фронтов, на другой — плакаты. Стоя у карты с линиями фронтов, Иван Ефимович рассказал

о речи Ленина, охарактеризовал положение на фронтах. А закончил комиссар своё выступление такими словами:

— И если каждый из нас выполнит ленинское указание, сделает хотя бы маленькую долю той работы, от которой зависит судьба революции, наша судьба, то мы добьёмся успеха. Надо вселять бодрость в сердца, умножать сознательность, укреплять дисциплину. Сил и можем победить!

Сохранился протокол этого собрания. Вот выписка из него:

«Слушали:

Доклад тов. Буракова об усилении работы коммунистов.

Постановили:

Ввиду того, что производительность железнодорожного транспорта пала, и ввиду усиленной перевозки мы, коммунисты, постановили: в один из выходных дней поработать бесплатно».

12 апреля 1919 года. Суббота

Рабочий день подходил к концу. И в это время стало известно, что на станцию прибыли эшелоны питерских и московских рабочих-добровольцев и балтийских моряков. Эшелоны направлялись на Восточный фронт. А как отправить их дальше? Исправных паровозов не было.

Бураков созвал коммунистов и предложил не уходить домой до тех пор, пока не будут отремонтированы паровозы под воинские эшелоны. Налицо оказалось 13 коммунистов и двое беспартийных, «сочувствующих», как их тогда называли. Из «сочувствующих» была на собрании чернорабочая Аксинья Кабанова, была она в ту пору молодой, весёлой, бойкой. В своих воспоминаниях она рассказывает:

«Идут весёлые, а ведь знаю — истомлённые, голодные...

— И я с вами! — кричу им.

— А что делать будешь, Ксюша?

— Всё, что потребуется».

Отбрали среди «больных» паровозов три пригодных для ремонта. Во всём депо горел один керосиновый фонарь, работали при свете факелов. Ветер проникал сквозь щели и раскрытые двери. От холода стыли руки. В разных концах депо развели костры.

Вспоминает участник первого субботника Я. М. Кондратьев:

«Разбились мы тогда на две бригады и приступили к промысловому ремонту паровозов. Ремонтировали арматуру, поршни, золотники, подшипники, тормоза, меняли рессоры.

Старались перегнать друг друга; тот, кто выполнял своё задание, помогал товарищам. Помню, выбивали мы с Михаилом Кабановым шкворень упряжной рессоры, а он никак не выходил. Тогда на помощь к нам пришёл Андрей Каракчеев. Был он ростом высокий, в плечах — косая сажень».

— Ну-ка, друзья, дайте я попробую, видно, шкворень вам не подчиняется... — шутил он.

Размахнулся Андрей кувалдой, ударил раз, второй и выбил шкворень.

Шутки, песни то и дело раздава-

лись в депо. Вот весельчак и песенник Михаил Кабанов громко запел:

*Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут...*

Дружно подхватили припев».

Кочегар наполнил водой котёл паровоза, растопил его. Бураков предложил бригаде отдохнуть, попросил Кабанова:

— Поди-ка, Ксюша, согрей нам кипяточку...

В вагоне партиячки был самовар. Ксюша согрела его и собрала на общий стол у кого что было: хлеб со жмыхом, десяток варёных картошек. Отдыхали за кружкой горячего кипятку.

И вот послышался гудок паровоза из депо.

Открыли ворота депо, и паровоз двинулся к эшелонам. Выскочили из теплушек бойцы. Все собрались у фыркающего паровоза и запели вслед за комиссаром «Интернационал» — и машинист, и кочегары, и бойцы.

Тут же состоялся митинг. С напутственным словом выступил Бураков. Свою речь он закончил словами:

— Стойте крепко, стойте дружно! Смело вперёд, на Колчака!

И эти же слова «Смело вперёд, на Колчака!» написали мелом на теплушках.

Дали свисток, и эшелон с добровольцами двинулся на восток.

Аксинья Васильевна Кабанова вспоминала потом:

«Стою на платформе, а мимо проносятся теплушки, и бойцы кричат: «Прощай, Ксюша! Скажи, куда приветы посылать...» А я смеюсь и плачу, глядя на них, дорогих, бесстрашных. «На депо, милые, отвечаю, на депо, славные мои...»

А Иван Ефимович Бураков снова повёл коммунистов и «сочувствую-

Владимир Ильич Ленин на Коммунистическом субботнике 1 мая 1920 года.

щих» в депо — завершать ремонт двух других паровозов.

Позднее в партийных документах, в протоколах было записано:

«Работу начали в 8 часов вечера и закончили в 6 часов утра. Работали на холодных паровозах, которые подлежали промывке. Было начато три паровоза: № 358, 504, 7024. Когда ремонт был исполнен и паровозы затопили, то все члены партии, работавшие добровольно, перешли в вагон, где пили чай, обсуждали текущий момент на Восточном фронте, спели «Интернационал» и стали расходиться по квартирам, а члены партии, занимающие ответственные посты, приступили к своей работе».

Под этой записью подписался мастер Горпелов, он был «сочувствующим», участвовал в субботнике. Он написал: «А техническую сторону работы утверждает мастер данного депо текущего ремонта». И поставил подпись.

Широко разнеслась весть о субботнике. На собрании коммунистов Московско-Казанской железной дороги 7 мая 1919 года И. Е. Бураков

поделился опытом работы в коммунистическую субботу. Коммунисты всей Московско-Казанской железной дороги приняли решение «пришпорить себя»: «Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоевания революции — работу производить бесплатно. Коммунистическую субботу ввести во всём подрайоне до полной победы над Колчаком».

1 мая 1920 года

День 1 мая 1920 года был объявлен Всероссийским субботником.

Улицы и площади Москвы были украшены алыми стягами, развевались на ветру кумачовые знамёна, гремели оркестры. «Прекрасная идея — сделать весенний праздник рабочих праздником свободного труда!» — писал в этот день Алексей Максимович Горький.

Знаменателен субботник 1 мая 1920 года ещё и тем, что в нём участвовал Владимир Ильич Ленин. Много воспоминаний осталось об этом замечательном дне. Вот какую картину они рисуют.

В восемь часов утра в Кремле три раза ударила пушка. На центральной площади в Кремле вышли рабочие, служащие и курсанты Кремлёвской военной школы. Настроение у всех было приподнятое, торжественное. Когда все выстроились в ряды, чтобы идти на работу военным строем, из совнаркомовского подъезда вышел Владимир Ильич. Он огляделся и направился к комиссару товарищу Борису. Подошёл. Спросил:

— Разрешите встать в строй?

— Если вам подчиняется председатель Реввоенсовета республики, — сказал комиссар Борис, — то вы, безусловно, должны стоять во главе строя. Прошу встать на правый фланг.

И Ленин занял место в строю на правом фланге.

Раздалась команда:

— Ряды, стройся!

И затем:

— Направо, шагом марш!

Шли под музыку, по-военному. Постепенно расходились по местам работы. Часы на Спасской башне пробили девять, субботник начался.

Нужно было за день очистить и привести в порядок всю кремлёвскую площадь. Сначала взялись за брёвна. Каждое бревно приходилось нести вдвоём, а то и вчетвером, если оно было очень большое. Владимир Ильич работал в паре с одним курсантом и заметил, что тот всё

старался подать ему тонкий конек бревна, а сам брался за толстый, более тяжёлый. Причём курсант всё время переглядывался с комиссаром. Конечно, они были в сговоре.

Владимир Ильич обратился к Борису:

— Жалеете? Облегчаете мою участь?

— Да, — сознался комиссар.

— Нет, — заявил Ленин и перешёл к толстому концу бревна.

Наконец все устали и присели отдохнуть, покурить. Кто-то протянул Владимиру Ильичу кисет с махоркой.

Ленин отказался:

— Спасибо. Не курю.

И рассказал, что начал было курить, когда учился в гимназии, но мать попросила его не курить, и он бросил и с тех пор не курит.

После перекура пришлось работать киркой — разбивали слежавшийся в кучах щебень.

Через некоторое время Ленина с субботника отозвали, его ждали на закладке памятника Карлу Марксу. Ленин обратился к комиссару Борису:

— Прошу разрешения прекратить работу на субботнике.

Комиссар ответил:

— Благодарю вас, Владимир Ильич, за отличную работу. От лица всего нашего курсантского коллектива благодарю.

И они крепко пожали друг другу руки.

В работе «Великий почин» Владимир Ильич Ленин писал: «Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжёлых четыре года империалистической войны, затем полтора года ещё более тяжёлой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир!»

В коммунистических субботниках Ленин увидел ростки коммунистического труда, соревнования, ударничества. В этом движении рождались первые герои трудовых побед.

Всегда среди детей

(К 70-летию А. А. Котовщиковой)

Как становятся писателем? Можно ответить: каждый по-своему. И это будет правильно. Но есть и общий закон — не зная жизни, ничего не напишешь.

Аделаида Александровна Котовщикова и не помышляла братья за перо. Была студенткой Академии художеств. И нравилось ей рисовать животных. Но, увидев кошку, собаку, лошадь, петуха, не сразу открывала альбом для рисования. Она присматривалась к животному, наблюдала его. И вдруг ей открывалась повадка его, которую никто не замечал. А в этой повадке весь, во всей своей природе, — скажем, пёс эрдельтерьер или сиамская кошечка. Вот тут спеша взять кисть, лови мгновение!

Рисунки молодой художницы бывали на выставках. Они нравились зрителям: «Как живые!» А к самой художнице подходили учёные-зоологи.

— Спасибо, — говорили, — вам за ваш труд. Животные в вашем изображении симпатичны. Но вы и науку обогащаете, улавливаете в существе животного то, что и не каждый зоолог увидит.

Когда Аделаида Александровна рисовала в зоопарке львов, тигров, жирафов, змей, — её так и облепляли малыши. Поглядывая то на животное в клетке, то на рисунок, начинали спорить между собой, — случалось, что-то подсказывали и ху-

дожнице, чему она бывала только рада. Тараторившие о том, о чём ребята тоже стали её интересоваться. Нет-нет, да и вынет она записную книжку, сделает себе заметки. Материал накапливался, уже было что сказать о детях, и появились первые рассказы Котовщиковой.

Аделаиду Александровну потянуло в школу. Небольшого роста, скромно одетая, она, стараясь не мешать уроку, присаживалась на краешек последней парты или на стул. И ничто из того, что происходило в классе, не ускользало от её глаз. Потом она шла в библиотеку, помогала выдавать книги, узнавала, что дети читают, беседовала с ними о прочитанном.

Один мальчик сказал:

— Я люблю о событиях! — и Котовщикова запомнила это уже как писатель.

Чтобы ещё больше сблизиться с ребятами, она поступила в одну из ленинградских школ учителем, преподавала рисование и черчение. А после уроков — опять в библиотеке. На полках среди книг уже и её собственные произведения. Это «В большой семье», «Пять плюс три», «Странная девочка», «Ох уж эта Зойка» и многие-многие другие. Все они «о событиях» — увлекательные, интересные — вам, ребята, об этом и напоминать не надо, сами знаете.

А дружба у Аделаиды Александровны со школьниками всё ширится и ширится. Дома у неё постоянно ребята — когда в гости, когда по делу: то задачка не получается, то о каком-нибудь слове в книжке или учебнике споткнулся, то рисунок хочется показать ей, художнице...

Во время войны, в тяжёлую пору блокады, Котовщикова оставалась в Ленинграде. Рыла, как и все, окопы, тушила «зажигалки», работала в госпиталях. Но первой её заботой были дети, обездоленные войной.

Она вела записные книжки и дневник. Записанное для памяти помогло ей после войны в написании целого ряда книжек. К

слову сказать, дневник вести полезно каждому. И не только для того, чтобы стать писателем — дневника для этого мало. А для себя. Хуже и вреднее всего жить без оглядки. Оглядываться следует на каждый прожитый день, а этому помогает дневник. Когда задумаешься перед сном, что записать, сразу увидишь, хорошо ли поступил в том или ином случае: что пообещал сделать, да недоделал; где сболтнул лишнее, кому дал слово и не выполнил...

Дневник воспитывает человека, укрепляет характер, а это, согласись, немаловажно в жизни!

Николай ГРИГОРЬЕВ

А. КОТОВЩИКОВА

Часы на стене

(ИЗ ЗАПИСНЫХ
КНИЖЕК)

Жёлтый огонёк коптилки, робко подмигивая, высвечивал середину стола. Густые тени заполняли комнату, скопились в углах, закутали окно. А было оно сплошь в морозных узорах — не нужно и штор затемнения. Стынь поселилась тут прочно, отступая лишь ненадолго, когда раскалялась буржуйка. Чёрная труба тянулась от неё к форточке, просунулась на улицу через круглое отверстие в окне.

Пожилой солдат тяжело сидел на стуле. Костыли прислонил к краю стола. Из госпиталя он прибрёл в свой дом, но не стал на ночь глядя искать управхоза, отпирать одинокое своё жильё — жена и дети эвакуировались в начале войны, — а зашёл к соседям, толкнув пезапертую дверь.

И вот сидит. И слушает. На одной из кроватей под грудой одеял, пальто, какой-то одежды — сонное со-

пенье. И на другой кровати смутно возвышается холмик — куча одеял и шалей. Из этого холмика раздаётся тихий ровный голос девочки:

— Когда время подходит к двум часам, мы начинаем играть в лото. У нас есть лото «Жаркие страны». А мы с Котькой нарисовали к нему ещё несколько картинок, самых жарких. Срисовали с Брэма ещё одного слона и орангутанга. И пипу суринамскую, она тоже очень тропическая. Котька выкликает: «У кого жираф? У кого слон? Слону так жарко в Африке, что он поливает себя хоботом из реки. Из тёплой реки. А не из проруби. На слона смотреть, так и самому жарко становится. Разве нет?» Саня говорит: «Нет». Но не плачет, не просит хлеба, а тоже ищет картинки. Саню мы сажаем так, чтобы он не видел часов. Они у нас большие, стенные, на стене висят, сейчас их в темноте плохо видно, а днём — ничего. Узнавать по часам время Саня ещё не умеет. Шесть лет ему исполнилось, но до войны его не научили, а уж потом где там... И хорошо, что не умеет узнавать по часам. Нам надо, чтобы он вообще забыл про часы. Потому что в два часа мы обедаем. Позднее можно, а раньше

двух обедать никак нельзя. Потому что если не точно по часам завтракать, обедать и ужинать, ни за что не хватит еды. Всё сразу съедим за полдня. Или за утро...

Девочка с трудом отвела взгляд от тощего солдатского мешка, лежавшего на краю стола. Невольно то и дедо она смотрела на этот мешок, потом отводила взгляд. И каждый раз у солдата стискивало сердце.

Ещё в первые минуты, как пришёл, он развязал мешок и достал свёрток. Девочка смотрела заворожённо. Солдат развернул бумагу: кусок уже замёрзшего хлеба. Он протянул его девочке:

— Ешь.

Девочка слегка отшатнулась.

— Без мальчиков? — сказала она. — Нет, я не могу. Но вы сами... шли по морозу. Я встану, затоплю, чтобы кипятку вам... А хлеб мы весь с вечера... Котька утром получит, пойдёт в булочную прямо к шести, к открытию. Я его разбужу. Затопить сейчас, чтобы кипятку вам?

— Не надо, — сказал он. — Расскажи, Машенька, как вы живёте.

— Уберите, пожалуйста, — девочка мотнула головой на хлеб. Он послушно и бережно завернул смёрзшийся чёрный кусок, положил его обратно в мешок.

— За одно утро... — повторяет ровный голос. — Так установить выдумал Котька. А я заставляю так делать, ни за что не позволю переиначивать. Бывает, Котька, хоть и сам придумал, просит: «Давай пообедаем на четверть часика раньше!» А я говорю: «Нет. Ни за что». Только один раз всё-таки обедали раньше на целых сорок минут. Котька не вытерпел и подвёл часы, когда мы с Санечкой задремали. Потом сам признался. И мы их подвели назад, чтобы было по-правильному. Саня всегда начинает раньше просить есть, плачет, кричит: «Уже сделалось два часа!» Потому и в лото играем. Завтракаем мы в девять часов. Стараемся подольше спать, чтобы потом меньше времени оставалось до обеда. Но непременно проснёшься рано: то в половине восьмого, то в семь. Просто ужас. Мы ведь рано ложимся. Ужинаем в семь часов и сразу ложимся. А от

обеда до ужина мы, если Котька дома, не ушёл за водой или за дровами... за хлебом-то он всегда с утра идёт, как встанет... мы ложимся все трое на мамину кровать... на бывшую мамину... Мамочку... осколок бомбы в висок... ещё осенью. Теперь на этой кровати — мальчики спят. Мы все трое ложимся, Саня посредине. Котька нам рассказывает «Всадник без головы», «Охотники за черепами» и всякое такое, чего не читался. Сперва-то они, все эти охотники и всадники, очень часто ели: то обедают, то ужинают, то какие-то пиры устраивают. Но я запретила Котьке говорить про еду, потому что Саня сразу: «Я тоже хочу суп из куропатки!» И все индейцы и охотники перестали есть...

— Давно вы совсем одни живёте? — хрипло спросил солдат.

— Бабушка в стационаре лежит вторую неделю. Она на улице упала, её подняли и в стационар отнесли. Она тогда ушла и не вернулась, мы испугались очень. Но вечером пришла девушка-санитарка, два кусочка сахара принесла, мы их Сане отдали, сами только чуть-чуть пососали каждый кусочек. Девушка сказала: «Ваша бабушка у нас лежит. Поправится — придёт. Косте вашему уже двенадцать? А тебе восемь?» Я говорю: «Что вы! Мне уже десять, я совсем большая». — «Ну, хорошо, — говорит. — Ждите бабушку. А может, я вас в детский дом определю?» Котька говорит: «Нет. Папа с фронта вернётся, нас не найдёт. Да ещё вдруг нас в разные детдома поместят». Девушка говорит: «Ну, смотрите». Сказала адрес стационара, Котька туда ходит. Бабушка копит чего дадут: масла кусочек, конфету. Котька сперва брать не хотел. Но бабушка говорит: «Я же тут суп ем и даже кашу». И плачет-плачет. Котька теперь берёт, тогда она не плачет. Дядя Федя, а от папы давно-давно писем нет...

— Так ведь почта в Ленинграде сейчас не работает. И на фронте

очень некогда ему. Писем нет, это как раз ничего не значит.

— Дядя Федя, нога-то у вас...

— Нету ноги, снарядам оторвало. Голова, руки целы — это главное. Котька у вас молодец.

— Конечно, молодец. Да не всегда. Как раз вчера пришёл из стационара и... давай плакать. Мужчина ведь, большой. Плачет: «Бабушка всё ещё вставать не может. А если совсем не встанет? Я в ремесленное, говорит, хочу, скажу, что мне уже четырнадцать. Навязались на мою голову ребёнки, ходу мне никакого. И определю я вас всё-таки в детский дом. Попрошу, чтобы не разлучали». О ремесленном училище он давно мечтает. Познакомился с каким-то ремесленником, и тот Котьке порассказал. Их там кормят, и они работают, и учат их, и много мальчиков вместе. Вот, главное, что много вместе, и работают, и учатся. «Я, говорит, буду вас в детдоме часто навещать». Он всё говорил, а я молчала. Потом говорю: «Уходи, если уж невтерпёж тебе с нами. А мы в детдом не пойдём». Он спрашивает: «А что же вы делать станете?» Я говорю: «Сам знаешь что. Мне забор на дрова не поломать и воду из проруби не знаю вытащу ведро или нет. А Санечка тем более ничего не сможет». И легла лицом к стенке.

— А Котька что? — прервал молчание солдат.

— Посидел, повздыхал, взял топор и предпоследний стул разрубил. Вы, дядя Федя, на последнем сидите.

Как отдалённое эхо, звучал голос девочки. Но солдату казалось, что к слабым, по-особому ровным звукам этого голоса прислушивается весь город. Гранитные набережные, неподвижные громады домов, в сугробах протоптанные тропки. Город-крепость, застывший во льдах, гордый, непобедимый и бесконечно прекрасный в эту блокадную зимнюю стужу.

Рис. Л. Коломейцевой

Борис НИКОЛЬСКИЙ

САНТА КЛАУС И ЗАБАСТОВЩИКИ

Было это в Федеративной Республике Германии в предновогодние дни. Ещё ярче в эти дни светились витрины огромных универмагов, празднично звучала музыка, жизнерадостные Санта Клаусы — так в Европе называют Деда-Мороза — встречали покупателей у дверей магазинов. И, конечно, повсюду зеленели ёлки — настоящие и синтетические, большие и маленькие, они сверкали лампочками, канителью, стеклянными цветными шарами...

А у ворот безмолвно застывшего металлургического завода в Дортмунде тоже высилась ёлка. Только она не светилась разноцветными, весёлыми огнями, не было на ней ни блестящих хлопушек, ни красочно переливающихся шишек, ни серебряного дождя — вместо ёлочных игрушек на её ветвях висели бумажные прямоугольники. «МЫ БАСТУЕМ» — крупными буквами было написано на них.

Возле ёлки, греясь у железной, докрасна раскалённой печурки, дежурили рабочие в белых касках. Это был пикет забастовщиков. Сменяя друг друга, днём и ночью несли у ворот завода свою вахту забастовщики. Чтобы ни один человек не мог без их разрешения проникнуть на территорию завода, чтобы хозяева не могли прислать в цехи завода предателей-штрейкбрехеров. Впрочем, рабочих, готовых поддаться на уговоры хозяев или отступить перед угрозами, находилось немного. И если появлялся такой человек у ворот завода, пикетчики тут же объясняли ему, во имя чего объявлена забастовка.

«Нам всем грозит безработица, — говорили они. — Капиталисты постепенно закрывают свои металлургические заводы в Западной Германии, потому что считают их невыгодными. Им нет дела до металлургов, которые останутся без работы. Их заботит лишь судьба собственных капиталов. Мы хотим заставить хозяев считаться с интересами рабочих. Разве это несправедливо!»

А однажды к воротам завода пришёл Санта Клаус. Как и положено Санта Клаусу, он принёс подарки — подарки для детей забастовщиков. Санта Клаус вместе с пикетчиками выпил горячего кофе, поздравил их с праздником, пошутил и отправился дальше по своим новогодним делам.

Откуда же явился сюда этот сказочный Санта Клаус? Кто надоумил его прийти сюда с подарками! Может быть, владельцы завода вдруг расчувствовались, расщедрились, вспомнили о детях рабочих-забастовщиков! Может быть, заговорила в них совесть!

Нет, конечно, нет. Ни богачи, ни хозяева завода здесь ни при чём. Подарки, которые принёс Санта Клаус, были куплены на особые деньги — на деньги из забастовочного фонда. Многие-многие люди — рабочие и служащие вносят деньги в этот фонд. Присылают по почте. Приносят. Однажды в забастовочный

центр пришла старая женщина и принесла пятьсот марок — все свои сбережения. «Я помню свою первую забастовку, — сказала она. — Это было в 1923 году. Я помню, как трудно нам тогда приходилось. Пусть ваша борьба принесёт вам успех!» Вот это и есть настоящая рабочая солидарность, которой так страшатся капиталисты.

Всякий раз, когда начинается забастовка, предприниматели, буржуазные газеты первым делом стараются натравить одних рабочих на других, возбудить среди населения ненависть к забастовщикам. «Посмотрите, — говорят они, — в стране не хватает топлива, потому что бастуют шахтёры. На заводах недостаёт металла, потому что бастуют сталелитейщики. У бу-

лочных выстраиваются очереди, потому что бастуют рабочие пекарен. Во всём виноваты забастовщики».

Изю всех сил стараются владельцы предприятий и послушные им правители сорвать забастовки. Нелегко приходится забастовщикам. И потому так важна, так необходима рабочая солидарность, рабочее единство. Чем крепче солидарность, чем решительнее поддерживают рабочие друг друга, тем увереннее чувствуют себя забастовщики, тем скорее приходится хозяевам сдаваться, идти на уступки.

Свидетелем вот какого случая однажды стал я сам. Произошло это в Японии. Мы, группа советских туристов, только что приехали в один из крупных промышленных городов Японии. В день приезда нам сказали, что завтра нас хочет навестить заместитель мэра города, он придет прямо в отель. А на другое утро мы узнали, что весь город охвачен забастовкой. Мы терпеливо ждали заместителя мэра, но он запаздывал. «Ещё бы, — думали мы, — разве теперь ему до нас! Наверно, городские власти с ног сбились, чтобы прекратить забастовку».

Наконец заместитель мэра прибыл. Был он оживлён, бодр, даже весел.

— Прошу извинить меня за опоздание, — сказал он. — Всё утро ездил, подбадривал забастовщиков.

— Подбадривали!!

Мы решили, что ослышались. Или, может быть, переводчик неправильно перевёл его слова! Представитель городских властей и подбадривал забастовщиков!

— Да, да, подбадривал, — уловив наше удивление, засмеялся он. — Всё утро. Я же сам бывший рабочий.

Объяснилось всё очень просто. Оказывается, на местных выборах в этом городе победу одержали партии, которые выступают за трудящихся, защищают их интересы, они-то теперь и управляют городом. Так что, выходит, ничего удивительного не было в том, что представитель городских властей поддерживал рабочих в их борьбе против предпринимателей. О чём, как не о силе рабочего движения говорит этот необычный на первый взгляд факт!

Уже уезжая из Японии, мы узнали, что забастовка окончилась успешно. «И наверно, — думали мы, — в этом успехе была доля труда и нашего нового знакомого, бывшего рабочего, который не жалел времени и сил, чтобы подбодрить, поддержать забастовщиков...»

...Ни на день не прекращаются классовые битвы в странах, где правит капитал, ни на день не стихает забастовочная борьба. И нет в этой борьбе оружия более надёжного, более грозного, чем рабочая солидарность.

Рис. Н. Нефёдова

ДВОРЦОВЫЙ МОСТ

Однажды Дворцовый мост очень обиделся. Когда, разведённый ночью, он пропускал под собой суда, один капитан, не рассчитав, задел его слегка кормой своего теплохода. С этого дня мост решил закрыться навсегда и не пропускать под собой никакие суда и теплоходы.

Задумано — сделано. Опустилась разводная часть моста, и как ни старались потом механики и слесари её поднять, она не поднималась.

Что тут произошло! На Неве с обеих сторон стали скапливаться баржи и теплоходы с грузами и без них. Но разводная часть моста была опущена и никого не пропускала.

Между тем баржи и теплоходы всё прибывали. Их становилось всё больше и больше. Их уже стало так много, что для того, чтобы суда могли поместиться на Неве, приходилось их поднимать и ставить друг на друга, как ставят ящики или кирпичи. Получалось что-то вроде огромной этажерки или высотного дома.

Теплоходы и баржи стояли друг на друге в десять, в двадцать, а то и в пятьдесят этажей. Самые верхние теплоходы были так высоко, что из-за облаков их не было видно.

Моря опустели, океаны осиротели. На них не плавали больше ни пароходы, ни теплоходы. Даже паруса яхт и те не белели в морской дали.

Матросы, перестав плавать и ощущать вкус солёного ветра, превращались в обыкновенных сухопутных жителей. Вместо того чтобы стоять на палубе и грудью принимать на себя девятибалльный шторм,

ходили с авоськами в магазин за колбасой и хлебом. А капитаны, эти морские волки, просолившиеся до костей, сняв свои фуражки с «капустой», уже не держали в зубах трубки, не давали команду «полный вперёд». Они сидели в тени деревьев, играли в домино и нянчили внуков. Никто уже не носил тельняшек, матросских бушлатов, бескозырок с ленточками и с якорями. Дети даже не знали, что это такое.

Это был почти конец света. Дальше так продолжаться не могло. Самые мудрые матросы и капитаны собрались на совет. Они решили послать капитана теплохода, который слегка задел Дворцовый мост, чтобы он извинился перед мостом.

Капитан теплохода пришёл к мосту и по всем правилам извинился.

И Дворцовый мост поднял свою разводную часть и пропустил под собой теплоходы и баржи.

Моря и океаны опять заполнились судами, матросы стали носить тельняшки, ходить в море и возвращаться домой, грудью встречать бури и штормы, капитаны — носить свои замечательные фуражки и командовать «полный вперёд».

И это было очень хорошо и кстати.

СФИНКСЫ И МАЛЬЧИК ПЕТЯ

На набережной Невы возле Академии художеств стоят каменные сфинксы.

Однажды, дело было совсем недавно, отгадать загадки сфинксов пришёл первоклассник Петя Иванов.

Известно, что у себя в Африке сфинксы, эти ненасытные чудовища, загадывали людям загадки, и если те не могли их отгадать, тут же пожирали несчастных.

— Если ты не отгадаешь нашу загадку, мы тебя съедим, — сказал один сфинкс.

Другой сфинкс сказал:

— Отгадай нам, мальчик Петя, что будет: рассыпался горох на тысячу дорог?

Мальчик Петя не испугался и тут же ответил:

— Это будет звёздное небо.

— Хорошо, — сказали сфинксы. — А что будет: два кольца, два конца, а посередине гвоздик?

— Ножницы, — не задумываясь, ответил мальчик Петя.

— Прекрасно, — сказали сфинксы. — Теперь скажи нам, что будет: маленькая собачка не лает, не кусает и в дом не пускает?

— Замок,— ответил мальчик Петя.

— Совсем хорошо,— сказали сфинксы.— А что будет: еду, еду— следу нету, режу, режу— крови нету?

— Лодка в реке.

Сфинксы загадывали мальчику Пете загадки весь день, и не было такой загадки, на которую бы он не ответил. Наконец, измученные сфинксы остановились. Они перебрали все загадки, которые знали.

— А теперь я загадаю вам загадку, а вы её отгадайте,— сказал мальчик Петя.— ШЛИ ПО УЛИЦЕ ТРИ МАТРОСА, И ТОЛЬКО ОНИ ЗАВЕРНУЛИ ЗА УГОЛ, КАК УВИДЕЛИ ЧЕТЫРЕ ЯБЛОКА. КАК ИМ ПОРОВНУ РАЗДЕЛИТЬ ЭТИ ЯБЛОКИ?

Сфинксы задумались. И не смогли ничего ответить.

Говорят, они думают над этой загадкой по сей день.

ПАРИКМАХЕР С ЛИТЕЙНОГО ПРОСПЕКТА

На Литейном проспекте работал парикмахер.

Однажды утром к нему в кресло сел лысый клиент и по рассеянности попросил его постричь.

Парикмахер в это утро тоже был рассеян, он взял в руки ножницы и расчёску и принялся стричь несуществующие волосы клиента.

Каково же было удивление, когда все увидели, что от

стрижки у лысого на голове появляются волосы.

Обрадованный клиент, оказавшись вновь с волосами, на радостях поцеловал мастера в щёку и тут же выбежал из парикмахерской рассказать родным и знакомым об этом необыкновенном приключении. А главное, похвастаться своими волосами.

Через десять минут у дверей парикмахерской выросла длинная очередь, даже все подходы к парикмахерской были забиты толпой лысых, которые хотели немедленно попасть на стрижку именно к этому мастеру.

Пока мастер был рассеян, он продолжал стричь лысых клиентов, если они его об этом просили, и у всех у них вырастали волосы.

На улице образовалась давка. Застопорилось движение.

Объявился милиционер и решительным шагом направился в парикмахерскую.

— Что случилось,— спросил он парикмахера,— почему беспорядок?

Этот вопрос вывел мастера из рассеянного состояния. Он увидел, что стрижёт лысых, и тут же бросил это занятие.

Как ни упрашивали потом лысые клиенты мастера постричь их, он только отмахивался. А когда один раз попробовал, из этого ничего уже не получилось.

Очередь разошлась, толпа исчезла.

Но до сих пор нет-нет да и зайдёт в эту парикмахерскую какой-нибудь лысый смельчак и робко попросит парикмахера сделать ему стрижку, в надежде, что у него от этого вырастут новые волосы, как они выросли у тех счастливых.

БУКСИР И КУТУЗОВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Плавал на Неве буксир. Таскал за собой тяжёлые баржи с досками, песком, кирпичом и прочим грузом.

Однажды стоял буксир с баржей у стен Кутузовской на-

бережной, напротив Летнего сада, в ожидании, когда в полночь разведут мосты и можно будет идти в Финский залив.

И вот наступила полночь, на Неве развели мосты, и буксир отправился в путь.

Матрос с баржи, заболтавшись с девушкой, которая в это время гуляла по набережной, забыл отдать штартовые, и буксир вместе с баржей потянул к Финскому заливу и Кутузовскую набережную.

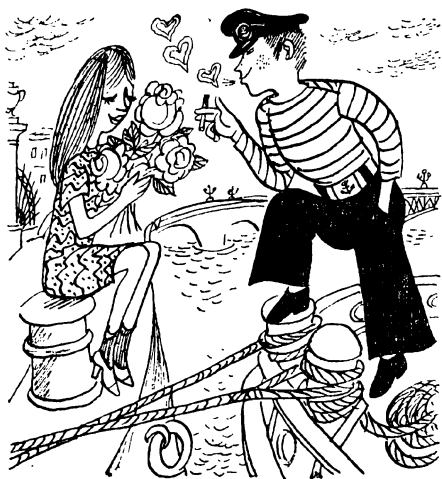
За Кутузовской набережной последовали Летний сад с Фонтанкой и Лебяжьей канавкой, Марсово поле, Садовая и Литейный проспект, за Литейным проспектом — Невский проспект и весь левый берег Невы, за левым берегом — правый и сама Нева, за Невой — город с окрестностями и Финским заливом.

Всю ночь тянул буксир свой груз к Финскому заливу, а Финский залив в это время тянулся в хвосте за буксиром.

Нетрудно догадаться, сколько бы времени длился этот путь, если бы капитан, чуя неладное, не выглянул из капитанской рубки и не увидел, что произошло.

Был он человеком спокойным и рассудительным, какими обыкновенно бывают все капитаны, и он приказал команде немедленно возвращаться обратно.

Буксир развернулся и повёл обратно баржу, а за ней город и всё остальное: правый и левый берега Невы с Невой, Невский и Литейный проспекты, Садовую улицу, Марсово поле,

Фонтанку, Лебяжью канавку, Летний сад и Кутузовскую набережную.

Тут только капитан отругал матроса, который, как ни в чём не бывало, продолжал разговаривать с девушкой, приказал отдать швартовые и двинулся снова в Финский залив.

КОНЬ МОТЫЛЁК

А. Тюрину

Как-то реставрировали Нарвские ворота на площади Стачек. Художник-реставратор Паша, счищая с медных коней патину, взял да и пощекотал, шутки ради, у одного коня брюхо. Известно, что щекотки не любят даже медные кони. Конь по кличке Мотылёк спрыгнул по деревянным лесам вниз и ускакал по проспекту Стачек в сторону Автова за город.

Бедный художник-реставратор Паша побежал за конём с криком «Стой!», но куда там! — конь Мотылёк так припустил по асфальту, что через пять минут его, как говорится, и след простыл.

Первым делом, конечно, конь Мотылёк прискакал на большой луг. Он с радостью бросился нюхать цветы и травы и даже есть их. Потом он валялся и катался на земле, и это тоже было прекрасно. Он купался в речке и пил воду из ручья. Скакал по полям и лугам, обгоняя ветер. И грива, и хвост его развевались.

Старый конюх дядя Вася почитал его за приبلудшего соседского коня, запряг в телегу и возил на нём из леса дрова. И конь Мотылёк весь день работал в охотку, а вечером был отпущен на волю.

Деревенские ребятишки вместе с другими конями погнали его в ночное. Они разожгли на берегу речки костёр и рассказывали друг другу разные смешные и страшные истории.

Конь Мотылёк стоял от них недалеко, слушал шорох ночных трав, кваканье лягушек в болоте, крик козодоя и с непривычки косился по сторонам и вздрагивал.

Почуяв чужака, кони сначала не хотели принимать его в свой табун, но потом, обнюхав, приняли.

Только к утру усталый художник-реставратор Паша нашёл коня Мотылька у речки. Он подманил его горбушкой хлеба с солью, припасённой заранее, поймал и за узду привёл в город.

Конь Мотылёк снова стал неподвижно стоять с другими конями наверху Нарвских ворот.

Нет-нет и вспомнит он один счастливо прожитый день за городом.

ЗОЛОТАЯ ТУФЛЯ ЗОЛУШКИ

В театре оперы и балета шёл балет «Золушка». Добрую Золушку танцевала злая актриса. Во втором акте актёр, игравший Принца, подошёл к Золушке и стал мерить ей туфлю. Как же он удивился, когда увидел, что нога у актрисы стала расти на его глазах и не лезла в золотую туфельку. Бедная актриса и так и эдак старалась всунуть свою ногу в туфельку. Но всё напрасно.

Было тут от чего смутиться. Как играть спектакль дальше? Продолжать его или на самой середине прервать?

Хорошо, что актёр был молодой и парень не из робких. Он не растерялся и мигом сообразил: золотая туфелька не подошла к ноге этой актрисы, а не подойдёт ли она к чьей-нибудь другой ноге?

И он стал примерять туфельку всем женщинам, которые были в этом театре. Женщины с нетерпением мерили туфельку, но их ноги — увы! — оказывались или слишком малы, или слишком велики.

Актёр, как был в парике, камзоле, бархатных штанах, выбежал на улицу и пытался

на улице найти ту, которой бы туфелька подошла. Но одним туфля была мала, а другим — велика.

Неизвестно, чем бы кончилась эта история, если бы актёр, пробегая мимо одного дома, не увидел во дворе молоденькую девушку, почти девочку. Спрятавшись от чужих глаз в глубину двора, она напевала песенку и танцевала для себя.

Актёр подбежал к девушке и попросил примерить туфлю. Девушка примерила туфлю, и золотая туфля пришлась ей в самую пору.

Не говоря ни слова актёр взял девушку за руку и побежал с ней в театр.

Зрители всё это время, а его прошло достаточно много, пока актёр бегал по улицам города, мирно сидели в театре и ждали. Каждый не хотел уходить из театра, не досмотрев спектакль до конца, а главное, не узнав, найдёт ли, наконец, Принц Золушку.

Когда актёр, игравший Принца, вбежал с девушкой на сцену, они стали танцевать вдвоём. А танцевали они очень хорошо, и спектакль продолжился, и был он намного лучше, чем до этого, и зрители несколько не обиделись на вынужденный перерыв. Когда же в конце спектакля опустился занавес, они наградили Принца и Золушку такими аплодисментами, что в зале зазвенели хрустальные люстры.

Директор театра, довольный

тем, что спектакль не сорвался, на радостях подбежал к девушке и тут же предложил ей стать первой солисткой балета. Девушка согласилась. Оказывается, она давно об этом мечтала.

Все были довольны, кроме злой актрисы. Она убежала в свою уборную и от досады рыдала и грозила, что она не позволит каким-то неизвестным девчонкам зарывать её талант.

Но на её угрозы никто не обращал внимания.

А. СТАРИКОВ

Откуда взялось солнце

*Играли во дворе мячом
Оранжевого цвета
В футбол мальчишки как-то днём,
А было это летом.
Пыль поднималась
Вверх столбом —
Игра была азартной:
Шёл матч серьёзный
(Дом на дом)*

*С ничейным результатом.
И вот один мальчишка мяч
Ударил так, что в небо
Тот улетел — и важный матч
Окончен так и не был.
Мяч стал летать вокруг Земли,
А взрослые не знали,
Что там за шар летит, вдали...
И «солнцем» мяч назвали.*

Рис. Л. Московского

КРАСНЫЙ ТОННель

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Алло, штаб? Говорит сменный инженер. Что делать с людьми? Усталые, мокрые, едва стоят на ногах. Вторую ночь без сна. Гоню наверх — не уходят.

— Гнать не надо: они своё, родное, защищают. А вот убеждать проходчиков необходимо. Пусть отдохнут, примут горячий душ, пообедуют сытно. Здесь всё приготовлено. И пусть не беспокоятся: на их место мы пришлём других со свежими силами. Добровольцев у нас много. Весь Метрострой поднялся. Да что Метрострой! Весь город идёт нам на помощь.

— Убеждаю. Не хотят уходить.

— Навернос, смотрят на вас. Вы-то сами какие сутки под землёй?

— Ну что вы, ведь я...

— Так вот вам я лично приказываю: немедленно идти отдыхать! Подайте проходчикам хороший пример.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 3.

КОГО БЕРУТ С СОБОЙ В РАЗВЕДКУ

Ничего не подозревая, на следующее утро ехал на работу Дед — Михаил Григорьевич Тихонович. В метро в ранние часы народу немного. И он занял любимое место — в первом вагоне у кабины машинистов. Дверь туда всегда закрыта и стекло замазано чёрной краской. Но кто-то любопытный — и это Дед уже заметил — обязательно соскребёт в краске хоть маленький глазок. Михаил Григорьевич становился у глазка и смотрел на мелькающий перед ним тоннель.

Удобная это штука — метро! Не успеешь оглянуться — из одного конца города попадаешь в другой. Но пока Деду приходится пересаживаться на автобус. И вдруг...

— Автобус идёт в объезд, — объявил шофёр.

Пассажиры заволновались: как, почему, где объезжает?

— Улица Политехническая перекрыта. На площади Мужества автобус не останавливается.

Дед сразу понял: что-то случилось на двести тринадцатой шахте. Шофёр называл именно те места, под которыми роют тоннель в замороженном грунте. Наконец добрался Михаил Григорьевич до своей новой шахты. И тут проходчики ему обо всём рассказали.

— Я возвращаюсь на двести тринадцатую, — решительно заявил Тихонович.

— А как же мы?

Тихонович нервно закурил.

— Ребята, тут дело добровольное. Не могу я вам приказывать... Может быть, жизнью придётся рисковать. Не на шутку буря под землёй разыгралась...

Проходчики с ним не согласились:

— Не надо нас уговаривать — не маленькие. Уж если вместе в труде, должны быть вместе и в беде.

— А вообще, — заключил Василий Некирка, — что-то ты, Дед, стал больно разговорчивым!

И бригадир обрадовался такому повороту разговора. Ему хотелось, чтобы они сами за себя решили. Проходчики быстро переоделись. И — по машинам! Подъехали к Политехнической улице. Видят, поперёк её метростроевцы ставят забор. А к шахте двести тринадцатой спешат со всех концов самосвалы с бетоном, огромные прицепы с железными балками, тягачи с брёвнами. На всякий случай примчалась «скорая помощь». Вот несколько пустых автобусов для чего-то выстроились наготове. Рядом с ними притормозили два продуктовых фургона. Потом машина «технической помощи».

В шахте командовал боевой штаб. Как на войне, кратки и ясны были его приказы. Как на войне, беспрекословно было их исполнение. ...Понадобился электрик, чтобы подключить новые мощные насосы. И съездили за ним домой, привезли на шахту... Нужна была непромокаемая одежда. А она на складе. И склад заперт. И кладовщик уже ушёл домой. Кладовщика нашли, он бросил свои домашние дела и сам привёл машину, нагруженную прорезиненными куртками и комбинезонами. ...Потребовалось сразу много машин — в десять раз больше, чем обычно. И тогда позвонили в гараж. А там как раз проходило партийное собрание. Пришлось его прервать.

— Товарищи коммунисты! — обратился председатель. — Только что нам сообщили, что в шахте метро произошла авария. Нужны машины. Кто поведет? Есть добровольцы?

Вызвались все. И забыли об усталости, о том, что целый день уже проработали... Потом нужно было позаботиться, как накормить, обсу-

шить и переодеть сражающихся под землёй проходчиков. Очень много забот было у руководителей штаба. Но главная задача — укротить разбушевавшуюся подземную реку. И сотни добровольцев вызвались принять участие в сражении.

Всё это узнал Тихонович, когда спускался в шахту. У подъёмника он снова встретился с весёлым парнем Серёгой.

— Видишь, Дед, плохо мы с тобой загадали. Опять в шахту без эскалатора спускаешься...

ПЛОТИНА

Пошли вторые сутки, как прорвалась подземная река и люди вступили в яростную схватку со стихией. Дважды она заставляла их отступать. Неужели придётся отступить и третий раз? Вода накапливалась, и в тоннеле уже разлилось целое море. Его волны давно бы докатились до новой станции Лесной, если бы тоннель всюду был ровный. Но метро так хитро устроено, что в нём есть свои «горки» и «низины».

От любой станции сперва тоннели идут вниз — с «горки». Это сделано для того, чтобы поезд сначала набирал скорость, не особенно расходуя электроэнергию. Потом идёт ровный участок — «низина». Поезд тут мчится на полном ходу. А перед следующей станцией строят новую «горку» — она нужна для торможения. Точно так же вели строительство между станциями Лесная и Площадь Мужества. А поскольку подземная река прорвалась как раз посередине между ними, море пока плескалось только в «низине» и до «горки», на которой стояла Лесная, вода ещё не добралась. Но густая, похожая на чёрную сметану, жижа неумолимо наступала и захватывала всё новую территорию.

Командиры в штабе совещались. Они решили пожертвовать всей «низинной», отступить на «горку» и там укрепиться. Для этого нужно было в срочном порядке построить мощную бетонную плотину, которая заткнула бы тоннель, как пробка. Иначе в метро произойдёт подземное наводнение, и плывун прорвётся на действующие станции, где ходят поезда с пассажирами.

Бригада Тихоновича получила задание укладывать бетон в плотину на Лесной. Место было хорошо знакомое. Именно отсюда начинался их путь сквозь замороженное древнее русло реки.

Тихонович объяснил своим проходчикам задание:

— Вот лопаты, вот бетон. Тут берите, сюда кидайте. Премудрость невелика. Только чтобы побыстрее.

Проходчики были несколько разочарованы. Не таким они себе представляли подземное сражение. Разве это геройство, когда только кидай лопатой да проворнее пошевеливайся. Некирка увидел Скрипникова и крикнул ему:

— Что ж ты, Василь Василич, нам подвигов не оставил!

Но тут подошла следующая вагонетка, доверху нагруженная бетоном. А они ещё не управились с первой.

— Подвигов ищите?! А слышите, как ревёт...

— Эй, кто потянет на чемпиона по киданию, — озорно крикнул Вася Некирка. — Дайте секундомер.

Но за его спиной так ухнуло, что мороз у всех пробежал по коже. И сразу сделалось не по себе. Тут уж не до шуток.

— Ещё примите вагонетку!

Через час у Некирки, да и не у одного него, сильно стучало в висках и пот катился ручьями. Хорошо, что подоспела бригада Алексея

Малышева и сменила ребят Тихоновича. Сколько уже бетона они перебросали в плотину, но едва только лоток прикрыли. А пужно закончить до того, как сюда, «на горку», доберётся плывун. Считанные часы в резерве. В другое время, если по всем правилам строить, на такое сооружение ушло бы полмесяца.

— Медлить нельзя,— сказал Дед,— пошли с Малышевым вместе.

— Мешать друг другу будем,— засомневался Сметанин.— Тесно.

В тоннеле и вправду тесно. Он ведь неширокий: всего шесть метров. Шести проходчикам только и размахнуться лопатами. А их собралось у плотины человек сто. Но всем нашлось дело. Доски забивают, леса ставят, вагонетки одну за другой толкают. Конвейер! Опрокидывают бетон прямо под ноги. Не успеет хлипкая куча растечься, а проходчики ловят её лопатами и перебрасывают за деревянное ограждение. Там бетон другие принимают, плотно утрамбовывают дрожжащими машинками-вибраторами.

Дед забрался с Малышевым к задней стенке, с краев подгребать. Здесь совсем не развернуться. Неудобно. В три погибели приходится сгибаться, потому что головой о чугунные тьюбинги всё время бьёшься. Под ногами трясина. Проходчики непрерывно переминаются с ноги на ногу.

— Ой, сапог застрял! — Иван Прудников дёрнул ногу, да — никак. Бетон быстросхватывающийся, в момент застывает. Так и осталась в плотине обувка.

Жвяк! Хлюп! — урчит бетон.

Три-ри-ри-ри-ра,— вторят ему дрожжащие вибраторы. А за спиной страшно ревет река. Подгоняет: кто кого! Люди работают наперегонки с рекой. И не все выдерживают бесконечно длинное напряжение. Руки начинают трястись. В голове шумит. Губами жадно глотают воздух. А сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди.

— Петя, отдохни,— запыхавшись, говорит Дед соседу.— Потом меня сменишь.

Они теперь стали по очереди приваливаться к чугунной стенке на несколько минут, чтобы охладиться. А потом снова за работу. Река навязала им этот подземный бой в самом неудобном месте. Как будто специально загнала в узкий проход, где ни машины, ни краны, ни бульдозеры применить нельзя. А голыми руками много не поработаешь.

...Когда Михаил Григорьевич зашёл в тёплую бытовку, его сразу сморило. Тяжёлые веки закрывали глаза, хоть подпорки подставляй! Буфетчица принесла ему горячий кофе с бутербродами:

— Выпейте да поспите часок. Легче станет.

Проходчики из его бригады все заснули вповалку.

— А я лучше на свежий воздух.— Дед вышел на шахтную площадку и глубоко вздохнул полной грудью.

За ним выскочил Некирка:

— Дед, ты куда?

— Да тут... — неопределённо буркнул Тихонович.

— Значит нам по дороге!

Наступил вечер. Дождь прекратился. Разбежались тучки. Небо уже потемнело. Но ещё продолжала розоветь узкая кромка у самого горизонта. Погода успокоилась. Ярko вспыхнули фонари на Политехнической улице. Раньше по вечерам здесь не горело столько огней. Дед сразу это отметил, осмотрелся. Вся улица просела. Асфальт сморщился и покоребился. Во многих местах его избородили глубокие трещины. В них можно было засунуть руку по самое плечо.

Трамвайные пути тоже прогнулись и в нескольких местах лопнули. Концы рельсов вздыбились и угрожающе торчали вверх. Под ногами то и дело просачивалась вода, а в одном месте пробился настоящий фонтан. Улица была неузнаваемой.

Но больше всего поразил проходчиков вид одинокого дома, мимо которого они обычно ездили на работу. Передняя стена обрушилась, и он стоял, словно совсем голый. Оскалившись, зияли покинутые этажи. В них остались стоять по местам столы, диваны, шкафы. С потолков свисали абажуры, люстры. Видно, люди в спешке покинули эти комнаты, а уходя, позабыли прихватить с собой кто пальто, кто шляпу.

— Прямо, как в кино про войну,— сказал Вася Некирка.

И вспомнил Михаил Григорьевич про войну, про своё детство...

АХТУНГ! ПАРТИЗАНЕНГЕФАР!

До войны они жили в Белоруссии — есть такая деревенька Богушево. Мать и отец его были колхозниками. Сеяли хлеб, ухаживали за скотиной, разводили огороды.

Мишатка как раз только перешёл в четвёртый класс, и у него начались каникулы. Целые дни он проводил с хлопчиками на речке, загорал, купался, играл в лапту.

И вдруг однажды налетели на деревню самолёты с крестами на крыльях. И началось! Каждый день бомбёжки. Рядом находился железнодорожный разъезд, его и бомбили. Но бомбы чаще падали на деревню. Отец вырыл в огороде землянку. Туда прятались, как только услышат с неба пронзительный рёв.

Фронт приближался. И тогда решили уходить в леса к партизанам. Долго пробирались. Путь лежал через олёс — так в Белоруссии называют густой высокий лес, местами затопленный водой. Через него не могла пройти ни тяжёлая артиллерия, ни танки.

Партизаны часто уходили из лагеря. У них были свои секретные дела, о которых заранее не принято было распространяться. Потом доходили слухи, что неподалёку под откос полетел поезд с немецкими танками, что сгорела в районном центре вражеская комендатура и с нею все документы на отправку людей в Германию. Что по дороге на Полоцк взорвана вражеская автоколонна. В этой трудной, опасной жизни партизанские дети помогали в обозе, таскали из родника воду, заготавливали для походной кухни дрова и пасли скотину. Командир поручил им собирать по лесу оружие.

— Только дальше дощечек не заходите. Тут — наша власть, а за ними — неметчина. Учтите!

Ребята знали про те дощечки. На них по-немецки было написано: «Ахтунг! Партизаненгепар!» Что означало: «Внимание! Опасность — партизаны!» Фашисты каждого, кто выходил из зоны за табличкой — будь то взрослый мужчина или просто ребёнок, — считали партизаном и отправляли в застенки.

Как-то раз группа партизан напоролась на артиллерийский расчёт врага. Несколько партизан было тяжело ранено. И случилось, что у колхозного тракториста, дядьки Елисея, рана загноилась. Началось заражение крови. Страшно мучился Елисей.

— Застрелите меня! — кричал он. — Избавьте от страданий!

И некому было оказать ему помощь. Так и скончался он в невыносимых муках. Здоровенный был мужик, крепкий...

— Доставить в отряд медика! — приказал тогда командир.

Но где его взять? Ни одного в окрестных деревнях нет.
Тут какая-то женщина назвала хутор, где жила знахарка, которая «любую болестъ как рукой снимала».

— Берите знахарку! Да со всеми её снадобьями!

Привезли „знахарку“. Она оказалась молоденькой девушкой. До войны курсы медсестёр окончила.

— Чего ж не прихватила свои колдовские снадобья? — спросил её командир.

— В лесу новых наберу. Здесь, как в аптеке, их полно.

„Знахарку“ звали Аделькой. Была она прехорошенькой. И парни наперебой стали ей предлагать себя в провожатые лесную аптеку собирать.

— Пусть хлопец Тихоновича помогает, — распорядился командир.

Вот и появилась у Мишатки новая партизанская обязанность. Собрались они как-то на болото за травами. Далеко ушли. И вдруг Аделька насторожилась.

— Поют, — сказала она шёпотом, — слышишь, поют.

И правда, до слуха мальчика донеслись неясные звуки. Скорее хриплые стоны... И вдруг более чётко прорезалось в воздухе: «Форвардс! Вперёд!» И ещё донёсся собачий лай.

— Прячься! — Аделька увлекла Мишатку за поросший кустарником холм, прижала его к земле.

Между тем звуки приближались. В низине появилась нестройная колонна пленных. Они были оборваны и босы. Их измождённые, израненные тела казались тёмными от запёкшихся кровоподтёков и ссадин. Немецкие автоматчики с овчарками загоняли их в самую топь. Пленные пели старинную революционную песню. Она их вела в последний путь. И они понимали это. И тут в тихое пение оглушительно ворвалась частая автоматная дробь. Колонна, словно подкошенная, дрогнула и медленно начала оседать в хлябь трясины. Встревоженная стая птиц взметнулась в воздух, в ужасе шархнулась прочь. Автоматчики дали ещё очередь — уже по мёртвым телам...

...Мишатку била дрожь. Трясущейся рукой Аделька гладила его по стриженной голове и пыталась успокоить.

— Не плачь, хлопчик! Мы ещё отомстим за нашу поруганную белорусскую землю, за всех погибших на ней! Запомни этот день!

Потом на болото пришли партизаны. В братской могиле они похоронили расстрелянных. На ней установили обелиск с красной звёздочкой. Мишатка не был на похоронах, он тяжело заболел. В горячем бреду метался он на нарах в землянке и слабым голосом просил: «Пить, пить!»

Аделька отпаивала его кислым клюквенным узваром да настоем из травок. Мать думала: не выходит её сыночка молодая «знахарка». Но он поднялся. Неузнаваемо изменила его болезнь: он совсем перестал улыбаться. Чёрненькие тонкие бровки угрюмо сдвинулись на переносице. Над уголками глаз нависли веки. Он ничем не интересовался, ни с кем не разговаривал, стал вялым и замкнутым. Тогда Аделька пошла к командиру и долго с ним о чём-то шепталась. После этого Мишатку вызвали в партизанский штаб.

— Хочешь помочь партизанам? — спросил его командир.

Мальчик встрепнулся.

— Этот пакет с листовками надо переправить в деревню за железной дорогой.

Мишатка доставлял пакеты то в один, то в другой отряд, встречался со связными. И всё-таки раз он угодил не на «свою территорию».

— Пропуск, — вдруг остановил его немецкий часовой.

Никакого пропуска у него не было. Зато была записка. Мишатка знал её содержание. Знал он и что будет, если найдут её: в лучшем случае отправят в концлагерь. Что делать? Мальчишка сразу сообразил. Он начал хныкать, выдумывать про больную тётю, которой вот нужно отнести молоко, яички, сало. В корзине у него для маскировки на всякий случай всё это имелось. Он рассчитывал, что солдат отберёт продукты и погонит его прочь. Но тот в корзину даже не взглянул, а взял Мишатку за шиворот и потащил в офицерское помещение.

Мишатку обыскали: вывернули все карманы, вытряхнули содержимое корзинки. Но не раздели. Поэтому записку и не нашли. Рыжий офицер ткнул ему в грудь пальцем и спросил:

— Партизан?

Мальчик отрицательно покачал головой. Видимо, офицер больше никаких слов по-русски не знал. Появилась женщина-переводчица. И тогда начался допрос. Почему он вышел из леса? Где он живёт? Почему он не выполняет приказ немецкого командования о запрещении отлучаться из населённых пунктов? Он, наверное, партизан и пусть скажет, где отряд. Мишатка строил из себя дурачка. Офицер разъярился и как ударит кулаком его по лицу. У Мишатки фонтаном

брызнула из носа кровь. Переводчица что-то тихо сказала по-немецки офицеру. Мишатка только понял «киндер» — ребёнок. Может быть, пожалеют? Главное, чтобы не нашли записку. Иначе он погубит не только себя, но и партизанский отряд. Его спасло, что внезапно за окном раздался сигнал автомашины. Офицер оделся и выскочил, дав распоряжение переводчице.

Они остались одни.

— Господин офицер погорячился, — сказала переводчица. — Но если ты мне всё расскажешь, я тут же тебя отпущу.

Она даже попыталась остановить хлеставшую из носа Мишатки кровь — посыпала ему на кончик языка соли. И действительно, от этого течь стало меньше. Когда она отвернулась к шкафу убрать солонку, Мишатка молниеносно вытащил записку и сунул её в рот. Он сообразил тут же схватить со стола кусок хлеба и отправить его тоже в рот.

— Что ты жуёшь? — переводчица подскочила к нему и больно сдвинула пальцами щёки. Её острые ногти вонзились в кожу. Мишатка вынужден был открыть рот. Но переводчица увидела только разжёванный хлебный мякиш.

— Ты такой голодный? — поразилась она. — Чего ж не ел продукты, которые нёс больной тётё? Наверное, нет у тебя никакой тётти! Надел ты мне! Пусть господин офицер с тобой возится.

Переводчица вызвала солдата, и тот запер мальчишку в дощатый сарай.

...Ночью Мишатка неслышно разобрал отверстие в крыше и удрал.

УСПЕЕМ ЛИ? — НАДО УСПЕТЬ!

Плотина уже поднялась в рост человека. В ширину она раздалась на три метра. Кидать бетон стало ещё тяжелее. Приходилось перекидывать по нескольку раз: с пола — на деревянные настилы, с настилов — уже в плотину. Теперь проходчиков почти всех сменили. А Дед умудрился остаться. В это время главный инженер пошёл на разведку в глубину тоннеля.

— Возьмите меня, — попросился Михаил Григорьевич.

Третьим пошёл начальник шахты.

На строительстве плотины горел свет. Но стоило немного спуститься с «горки», как их окутала непроницаемая чернота. Ни единого отблеска, ни единой, хотя бы серой, тени. Хоть глаз выколи! Даже собственную руку у самого носа не разглядеть. И только слышно, как зловеще хлопочет впереди вода. В темноте казалось, что она подбирается к самым ногам, лижет подошвы. Непрошенный холодок страха окутал людей. Не терпелось повернуть назад.

Главный инженер зажёл карманный фонарик. Начальник шахты последовал его примеру. Хрупкие тонкие лучи с трудом пробивали крошечную тьму.

— А мне почудилось, что вода совсем близко, — признался Михаил Григорьевич. — В темноте всё бывает страшнее, чем на самом деле.

Разведчики передвигались крайне осторожно. Путь опасный. Не хватало воздуха. Стены и бетонный лоток успели отсыреть, сделались скользкими. Наконец они добрались до самой первой плотинки недалеко от затвора. Тут уже было полно воды. Дальше идти нельзя! Фонарики осветили чёрное колыхающееся море. По нему гуляли зловещие водовороты. Лопались крупные липкие пузыри. Волны напирали на плотинку и, казалось, вот-вот сметут её.

— Однако же быстро плывун наступает, — произнёс главный инженер. — Успеем ли мы? Придётся ускорить работы.

...Плотина тем временем подросла, вот-вот уже скоро упрётся в самый свод. Проходчики трамбуют бетон крепко. Для прочности укладывают в него железные балки. Ставят по бокам распорки, чтобы выдержала плотина натиск воды.

— Эй, кто там зазевался? Давай бетон!

Строят наперегонки. Десять вагонеток разгрузят — товарищам место уступают. Теперь вы попробуйте: может, у вас быстрее получится!

Ледяным сырым холодом тянет из затопленного тоннеля. Но всё глуше становятся звуки за толстой трёхметровой плотинной. Зато чётче слышится, как бьёт кровь в висках... Мчатся по городу тяжёлые бетоновозы. Куда торопятся? — удивляются прохожие. И невдомёк им, что под их ногами уж третьи сутки идёт отчаянный бой.

В метро всё так же чётко курсируют поезда. Лишь тревожны взгляды у дежурных в красных фуражках. Они-то знают, что творится по соседству. Поэтому они на чеку, не отходят от подземных телефонов. Если приблизится к станции опасность, они успеют закрыть аварийные затворы.

Но опасность уже не придёт. Проходчики Дедовой бригады забили последнюю щель в плотине. Плывун дальше не прорвётся! Хороша плотина! Сработана мастерски!

— А теперь будем строить рядом ещё такую же, — сказал главный инженер. — Толщина будет шесть метров.

— Но разве эти три метра не выдержат? — поражаются проходчики.

— Реку остановит, — согласился главный инженер. — Но придётся шахту заливать водой. Надо, чтобы и тогда выдержала.

Проводчики зашумели. Строили они, защищали от воды тоннели. Жизнь рисковали. И вот тебе ну: свои же тоннели затопливать будут!

Главный инженер успокаивающе поднял руку. И ропот стих.

— Не надо волноваться. Инженеры думают, как спасти вырытые тоннели. Но они обязаны также думать о спасении домов, которые находятся над этими тоннелями. Другого способа нет — только залить. Вы же сами знаете — земля не любит пустоты.

Это проводчики знали! Главный инженер был прав. Оттого что треснул забой, из глубин вытекло много плавучей земли и образовались пустоты. У Деда из головы не выходил покинутый дом с забытыми шляпами и плащами. А что будет с другими зданиями рядом?

— Да чѣрт с ними, с тоннелями! Лишь бы улицу спасти,— согласились проводчики.

И опять в шахте закипела работа. Забегали по рельсам нагруженные вагонетки, засверкали голубые искры электросварки, замелькали острые лопаты в ловких руках проводчиков. Жвяк! — наполнили бетоном. Хлюп! — сбросили в плотину.

...Прошла ещё ночь — проводчики не разгибали спин. Прошёл ещё день — проводчики не выпускали инструментов из натруженных рук. И только когда уложили в плотину последнюю лопату бетона, залили шахту водой. Прощай, наша двести тринадцатая!

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Алло, шахта? Это двести тринадцатая? Говорит корреспондент газеты. Наши читатели спрашивают про аварию. Передают разные слухи. А хотелось бы получить достоверные сведения. Можно задать несколько вопросов?

— Что ж, извольте.

— Что произошло в шахте?

— Записывайте: ночью восьмого апреля на трассе метро у площади Мужества прорвался плавун. Подземная река проникла в оба строящихся тоннеля и затопила их. Были предприняты оперативные меры по ликвидации аварии. И плавун удалось остановить.

— Как отразились последствия аварии на поверхности?

— Осела часть Политехнической улицы, разрушено несколько построек.

— Есть ли жертвы?

— Человеческих жертв нет, пострадавших нет.

— Есть ли угроза городу.

— Нет. Прямо так и запишите: никакой угрозы теперь нет. Город может спать спокойно.

(Окончание следует)

Открыть свою землю — что это значит!

Выйдешь в поле, поднимешься на горку, много ли увидишь — лес вдаль, озеро, деревни близлежащие, речку знакомую. Совсем маленький кусочек земли откроется. Выберешь горку повыше, взберёшься, поглядишь вокруг — новая картина: ни знакомой речки, ни всей деревни, холмы да овраги, поросшие кустарником, а вдалеке — незнакомый городок. Тебе здесь всё чужое, а тому, кто тут живёт, — родное и близкое.

А как узнать всю Землю целиком? Наверное, для этого нужно собрать все части вместе и составить из них целое. Больше миллисна лет живут люди на земле — ходят по горам, пробираются по лесам, плавают на кораблях по морям, по океанам. Обошли вокруг света. Описали и нарисовали люди всё, что увидели. Получилась карта мира. Получился глобус, модель Земли.

12 апреля 1961 года в 9 часов 07 мкнут стартовал в космос Юрий Алексеевич Гагарин. 108 минут понадобилось первому космонавту, чтобы облететь Землю, увидеть в иллюминатор горы, и океаны, и целые континенты. Человек впервые по-настоящему увидел всю Землю — всю планету сразу.

Сегодня наш журнал начинает печатать главы из новой книги ленинградского писателя Анатолия Томилина: «Как люди открывали свою Землю». Прочитав их, ты узнаешь, как на протяжении многих сотен лет «открывали Землю» купцы и философы, путешественники, моряки, учёные... Как это было трудно, интересно и опасно. Ты узнаешь о форме Земли, о том, какова Земля внутри, как люди создавали карты, как были открыты континенты.

А. ТОМИЛИН

ГЛАВА I

КАК ЛЮДИ ИСКАЛИ ФОРМУ ЗЕМЛИ.

Сначала люди думали,
что Земля плоская.

Рис. Ю. Бочкарёва

В самые древние времена людей на Земле было мало, а места — много. И потому выбирали первые поселенцы, что получше: селились, где климат потеплее, где земля пожирнее, где солнышка, и воды, и леса — всего вдоволь. А много ли таких уголков на Земле? Оказалось — не очень. Вот и получилось, что собралось в одних районах людей больше, в других — меньше, а в третьих и вовсе никого не было.

Учёные считают, что, может быть, самыми первыми задумались над тем, на что похожа наша Земля, мудрецы из страны Тянь-ся, что означало «Поднебесная империя». Ты, наверное, сразу догадался, что эта страна — Китай, одно из самых древних государств на Земле. С незапамятных времён жили в нём добрые и трудолюбивые люди. Но у них, к сожалению, было много жестоких императоров. И каждый новый император, чтобы ему легче было управлять страной, приказывал по-новому делить её территорию. С этой целью из столицы отправлялись в

разные стороны императорские чиновники — гуани и мандарины, так их пазывали сами китайцы. Чиновники ехали, чтобы провести новые границы в старых провинциях.

Самые важные мандарины ехали в повозках-колесницах. На каждой повозке стоял секретный прибор, стрелка которого всегда указывала одно направление. С таким прибором никогда не заблудишься. Китайцы берегли его и называли «указателем юга». Древние секретные приборы дожили до нашего времени, и теперь все их называют «компасами» и знают, как они устроены. Ничего сложного — простая коробочка, а в ней магнитная стрелка на иголке. Синим концом юг показывает, красным — север...

Долго-долго по степям и пустыням ехали повозки с мандаринами. Тёмными вечерами путники смотрели в небо и отмечали, что звёзды всегда движутся с востока на запад. «Почему это так?» — спрашивали люди друг у друга. И никак не могли найти на свой вопрос ответа.

Другие чиновники — гуани отправлялись в горы. По узким тропам ни в повозке, ни верхом не поедешь. И потому несли толстых гуаней носильщики в носилках-паланкинах. Тряслись чиновники в душных кабинках и думали: «Почему это одна часть Поднебесной империи такая высокая, что поднимается к самому небу, а другая часть — низкая?» Но и они не могли придумать ответа на свой вопрос.

Третьи чиновники отправлялись в путь на лодках. Плыли они по большим рекам и маленьким речкам. Плыли они капалами. Слуги держали у них над головами зонтики и отгоняли мух. «И почему это, — рассуждали ленивые чиновники, — все

реки в землях императора текут в одном направлении с запада на восток?» Но сколько ни размышляли, не могли найти объяснения этому явлению.

Немало поломали себе головы над вопросами чиновников и придворные мудрецы. А поскольку император требовал, чтобы они во что бы то ни стало на все вопросы ответили, то вот что наконец придумали.

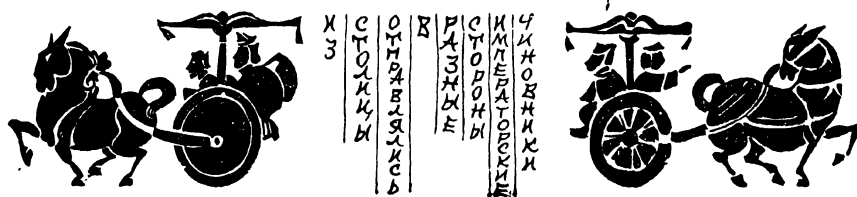
— Давайте, — сказали они друг другу, — договоримся считать Землю плоской. Как рисовая лепёшка с обрезанными краями. На каждом краю Земли-лепёшки стоит по высокому столбу, подпирающему небо. Один столб на севере, другой — на востоке, третий — на юге, а четвёртый — на западе. Сколько сторон света, столько и столбов...

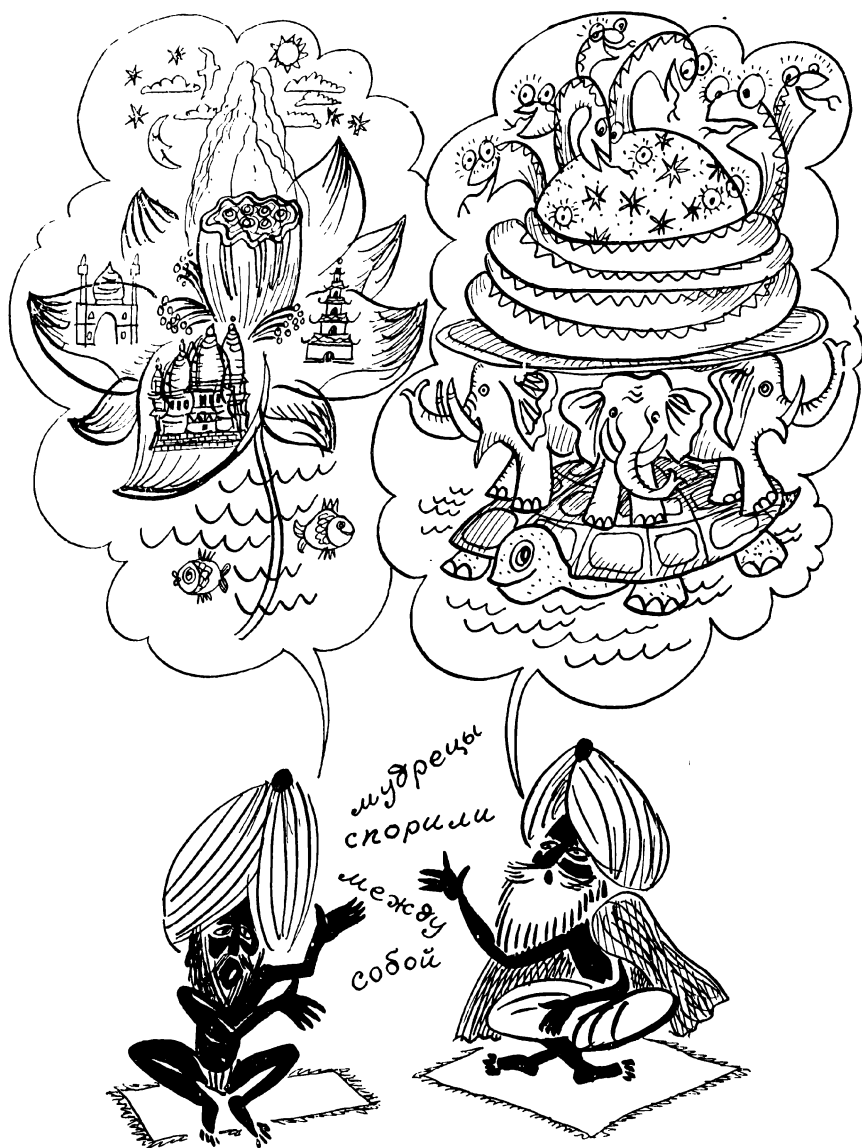
Когда все чиновники собрались в большом зале императорского дворца послушать ответы на свои вопросы, мудрецы рассказали следующее:

— Однажды злой дракон согнул один из столбов. И от этого Земля и Небо наклонились в разные стороны. Западные провинции поднялись горами к самому небу, а восточные опустились к морю. Реки в Поднебесной империи потекли на восток, а звёзды на небе покатались к западу...

Очень «убедительным» получилось объяснение, и все были довольны. Пятьсот книг написали китайцы про свою страну. Пятьсот больших бумажных свитков с описанием всех провинций и даже с описанием земель, что лежали за ними.

Но вот однажды, после большой войны, воцарился в Китае император злой, как дракон, и глупый, а оттого ещё более злой. Прочитал он в книгах, что за границами Поднебесной империи тоже живут люди и что

земля у них ничуть не хуже. Император тут же приказал сжечь книги, в которых описывались чужие земли, а на границе империи построить Великую стену. Стена должна была отгородить Китай от всего мира и заставить китайцев думать, что за пределами их страны нет на свете ничего интересного. Злой император даже называть страпу велел по-ино-
му — Чжуи-хуа-го, что означало в переводе «Срединное цветущее государство». Так и называли своё госу-

дарство с тех пор китайцы, хотя далеко не всё в нём так уж красиво цвело и благоухало. Трудовой народ жил в бедности и угнетении. И только чиновники и богачи радовались и веселились. Так часто бывает в мире: чем хуже дела, тем красивее слова...

Потом стало ещё хуже. Чтобы подданные «Сына Неба» — так называли чиновники своего императора — не смели даже носа высовывать за Великую каменную стену, дали они

своей стране ещё одно название — «Сы Хай». Означало это «Четыре моря». Чиновники уверяли, что Китай — это вся Земля. Вся-вся как есть. И со всех четырёх сторон она окружена бурными морями, в которых кишат огромные рыбы и страшные драконы! «Всякий, кто отважится хотя бы взглянуть на них, найдёт себе верную гибель!» — уверяли гуаны, а поддакивали им мандарины. И, знаешь, многие верили им и старались побольше сидеть дома.

Да, многие верили, но не все...

На чём держалась Земля, по мнению мудрецов из Индии?

Если из знакомой уже нам Подпёбесной империи отправиться на юг, если перевалить высокие горы, то попадёшь совсем в другую местность. Здесь текут могучие и полноводные реки. Одну из них жители называют Инд, а другую Ганг. По берегам обеих рек раскинулись города и селения с пышными садами. А там, где нет городов и селений, к самой воде подступают непроходимые джунгли. В густом лесу пронзительно кричат обезьяны и рычат тигры. А в тростниках прибрежных вод, среди белых лотосов, плещутся крокодилы и плавают черепахи.

Это Индия, загадочная и удивительная Индия, в которую так стремились многие путешественники. Раньше на территории Индии было множество мелких государств. Во главе каждого стоял воинственный царь — раджа или магараджа. Богатым всегда мало того, что у них есть. То и дело в разных индийских государствах начинали стучать барабаны и раздавались воинственные клики. Это магараджи созывали своих воинов в поход против какого-нибудь соседа.

Запрягали индусы коней в колесницы. Надевали на слонов боевые доспехи. Шли воевать... А когда возвращались, думали, рассуждали:

— Почему это никаким армиям не удастся дойти до края Земли? Если она такая большая, то на чём же она держится?

Не раз такие вопросы задавали индусы мудрецам, которых в Индии называли риши и будды. Мудрецы думали-думали, даже спорили между собой, но к одному мнению прийти так и не могли. Риши говорили, что Земля похожа на раскрывшийся цветок лотоса, пестик и тычинки которого — это горы, окружающие долины Инда и Ганга. Четыре самых больших лепестка — четыре главные страны света. К югу лепесток — Индия, к северу лепесток — холодные северные страны. К востоку — Китай со всеми китайцами и злобными императорами, а к западу — Персия и Аравия. Растёт лотос в безбрежном океане, и стебель его крепится на дне. Острова же, которые окружают Индию и другие страны света, не что иное, как листья того же лотоса.

— Нет! — говорили будды. — Такая картина неверна! — И нараспев рассказывали, какой они видели Землю.

В огромном молочном море без берегов плавают огромная черепаха. Что на свете прочнее её панциря? На спине черепахи стоят четыре огромных слона, которые повернулись головами на четыре стороны света: один на север, другой на юг, третий на восток, а четвёртый на запад. Слон самое сильное животное, он всё выдержит. На своих могучих спинах держат слоны огромную и круглую, как маисовая лепёшка, плоскую Землю.

А над Землёй опрокинута чаша неба из прозрачного, как вода, горного хрусталя. Этот мир замыкается кольцами чёрной как ночь кобры Шешу, у которой тысяча голов. Две тысячи глаз Шешу светятся по ночам на небе звёздами, а могучие кольца служат опорой всему. Вот как представляли себе мир индусские мудрецы риши и будды в давние-давние времена.

Почему моряки считали Землю горбатой?

Примерно в те же времена, о которых мы сейчас с тобой говорим, а может быть, чуть-чуть позже стали селиться разные народы по берегам

синего-синего Средиземного моря. На его островах и в маленьких бухтах изрезанного берега немного было плодородной земли, и потому жители кормились морем. Сначала люди строили лодки, на которых уходили далеко от берега, и ловили рыбу. Потом вблизи от воды выросли города с гаванями и верфями. На них люди закладывали уже большие корабли, строили и спускали их на воду. Прекрасные суда с длинными вёслами, оснащённые красными парусами, могли далеко уходить от берегов и даже пересекать всё Средиземное море.

«Страной красного финика, который появляется на востоке» называли соседи узкую прибрежную полосу, прижатую к морю Ливанскими горами. А жителей этой страны называли финикийцами. В Стране красного финика и дорог-то не было — одни скалы да ущелья. Единственный способ передвижения — корабли и лодки. Большие и маленькие, они шустро шныряли между островами и берегом, перевозили товары, перевозили людей. Лучшими в мире моряками считались финикийцы. Из своей страны ходили они на север за рабами и дамасскими кинжалами. Плавали на юг, в поисках золота и драгоценностей. Смело отправлялись на запад за душистым вином и краской.

Возвращаясь из дальних плаваний, все моряки с нетерпением ждут, когда покажется вдаль родной берег. Ждали этого и финикийцы. Но вот что они заметили: первыми из морских пучин почему-то всегда начинали показываться самые высокие макушки родных гор. Ближе подойдёт корабль — становились видны вершины пониже. Ещё ближе,

глядь — и городские постройки, как дельфины, из воды вынырнули...

«Почему это так? — недоумевали мореходы. — Ведь если Земля плоская, то на ней сразу должно быть всё видно? А не ошибаются ли те, кто говорит, что Земля похожа на лепёшку? Она скорее напоминает горбушку!» И в самом деле, если представить себе Землю горбатой, то становится понятным, почему из моря встают сначала макушки гор и почему с мачты видно дальше, чем с палубы. Ты ведь и сам, наверное, не раз поднимался на пригорок в степи или залезал на дерево в лесу, чтобы подальше увидеть?..

Финикийские мореплаватели решили считать Землю горбатой. Похожей на половинку яблока или лучше апельсина, который лежит в блюде с водой. Вода — море. А на край блюдечка опиралась, по их мнению, большая опрокинутая миска — голубое небо. Странную модель Земли придумали для себя финикийские мореплаватели; правда?

Кто первым догадался, что Земля — шар?

Неподалёку от Страны красного финика, у того же моря, только на другом его берегу, жили древние греки. Они были очень любознательны, и потому в древнегреческих городах накопилось немало философов.

Слово «философ» означает — любитель мудрости. Это очень почётное звание. Раньше философами называли тех людей, которые, заметив что-нибудь непонятное, не успокаивались, пока не отыскивали этому непонятному объяснения. Сейчас таких людей тоже все уважают и называют их учёными.

В одном из самых больших древнегреческих городов, который назывался Афины, жил в те давние времена знаменитый философ по имени Аристотель. Он был не только философом, но и учителем, и у него было множество учеников. Но, как каждый настоящий учитель, Аристотель всегда хотел знать ещё больше. Знания — ведь это такое богатство, копить которое никому не стыдно, не то что деньги или вещи...

Был тогда среди многих нерешённых вопросов один вопрос, который интересовал всех: «Отчего случаются лунные затмения?» Никто не мог на него ответить. Одни думали, что это злые великаны утаскивают с неба луну, чтобы лишить всех людей её серебряного света. Другие были уверены, что лунное затмение предвещает какое-нибудь несчастье: может быть, войну, а может быть, голод или мор. Находились и такие, которые направо и налево рассказывали, что затмение отравляет воздух и люди гибнут от удушья. Легковерные трусы верили им и с самого вечера запирались в глубоких погребах и подвалах. Они замазывали все щёлки, затыкали все окошки. А обманщики тем временем грабили их покинутые дома.

Аристотель не был трусом. Он не раз наблюдал затмение, и ничего с ним не случилось. «А что, если тёмное пятно на лунном боку — это просто тень, которую отбрасывает Земля, когда становится между Луною и Солнцем?» — подумал философ и

тут же задал себе другой вопрос: — Но почему эта тень всегда круглая?»

Взял он кубик. Вынес его на солнышко. Тень от кубика, как тёмный квадрат, куда ни поверни. Нет, не может быть Земля квадратной. Взял он круглую плоскую лепёшку. От лепёшки в одном положении тень круглая, а в другом — тоненькая, как прутик. Значит и лепёшкой Земля быть не может.

Взял он половину апельсина и тоже подставил солнцу. От половинки тень круглая только тогда, когда солнечные лучи падают на срез или на горбатую спинку. Но стоило повернуть половинку апельсина к солнышку боком, как тень тут же оказывалась неполным кружком... И только от целого апельсина или от целого яблока тень была всегда круглой, как их ни верти.

— Значит, и Земля наша должна быть шаром! — сказал Аристотель своим ученикам и показал, как просто пришёл к такому выводу.

Ученики во все глаза смотрели на учителя и удивлялись его мудрости. Одно оставалось непонятным — как живут люди на противоположной, пижней половинке земного шара? Как они ходят вниз головой? и почему не падают?

Но на этот вопрос даже сам Аристотель не мог найти убедительного ответа. Ведь тогда ещё никто не знал, что все тела притягиваются. И потому сначала ученики Аристотеля, а за ними и все остальные стали думать, что нижнее

полушарие Земли просто необитаемо и кто туда попадет, тот обязательно свалится куда-то и погибнет.

Прошло время, умер великий философ и его ученики, а никто из людей так и не подтвердил, что Земля — шар. И постепенно люди снова стали считать Землю — кто немножко горбатой или, вернее сказать, выпуклой, а кто и плоской — по старинке. Так, мол, удобнее.

От плоской Земли — к шару и от шара — к геоиду

Долго-долго после Аристотеля Земля снова считалась плоской. Виновата в этом была церковь. В старой-престарой книге легенд и мифов «Библии» хоть и не говорилось об этом прямо, но намекалось, что Земля вроде бы должна быть плоской. А уж коли в «Библии» так было написано, то все должны были в это верить. Не веришь — значит, еретик, значит, ты враг истинной веры и — на костёр. При таких условиях с любой формой Земли согласишься.

Целых пятнадцать веков с начала нашей эры «святые отцы» всеми силами охраняли букву священного писания от посягательств учёных и философов. Но без конца продолжаться так не могло. Правда всё равно когда-нибудь должна была выйти на поверхность. И вот поплыли первые корабли вокруг света. Шли из дома на запад, а вернулись домой с востока. Как так?.. Пришлось постепенно признать всем, что Земля всё-таки круглая, имеет форму шара. А какого шара? «Конечно, самого лучшего, и идеального! — говорили учёные. — В этом и заключается высшая мудрость матери-природы».

В этом случае учёные были не точны. Шло время. Родилась целая наука о том, как определять фигуру и размеры Земли, как изображать земную поверхность на планах и измерять расстояния между удалёнными пунктами. Называли эту науку —

«геодезия», что в переводе с греческого означает — деление Земли.

Когда великий английский учёный Исаак Ньютон открыл закон всемирного тяготения, он решил с помощью нового закона проверить форму Земли. И что же у него получилось? По всем вычислениям Земля не могла быть идеальным шаром. У Ньютона она получилась сплюснутой с полюсов...

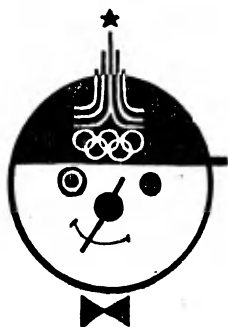
Долгое время в это никто не хотел верить. Пришлось посылать экспедиции в разные места, проверять... Наконец согласились — правильно, сплюснута Земля. На двадцать один километр триста восемьдесят два метра полярный радиус меньше радиуса экватора. Как же назвать такую фигуру? Решили назвать эллипсоидом. Так называется поверхность, которая получается, если сплюснутый круг — эллипс — начать вертеть вокруг малой оси.

И вот всё было хорошо, пока в космос не взлетели первые спутники. Учёные всегда внимательно наблюдают за тем, по какой орбите движутся космические корабли. И вдруг обнаружилось, что над северным полушарием спутники «выряют», то есть их орбита проходит ниже, чем над южным. Почему?

Долго работали учёные. И наконец сделали вывод: не ровный эллипсоид наша Земля, а корявый. Скорее, фигура нашей планеты похожа на грушу, корявую, неровную, с наплывом на северном полушарии и сплюснутую с юга. Как же назвать такую фигуру? Грушей целую планету не назовёшь — неприлично вроде. И придумали — «геоид», что означает — землеподобный.

Вот как просто разрешился вопрос: «Земля похожа на Землю — землеподобна». Форма у геоида может быть сложной. И какие бы уточнения ни возникли в будущем, название менять больше не придётся. Вот какой длинной оказалась история поисков формы Земли.

(Продолжение следует)

**КЛУБ
«ОЛИМПИЙСКИЙ
ХРОНОМЕТР»**

Наш клуб «Олимпийский хронометр» проводит своё очередное заседание. Сегодня перед вами выступит со своим сообщением наш разъездной корреспондент Борис Младенский (он же Никодим Журналов). Мы уже писали о нём. Он большой специалист во всех видах спорта — особенно в гимнастике, быстрой езде на велосипеде и в стрельбе лёжа, с колена и сидя. Однако сегодня Борис Младенский обойтись без помощника не смог. Помогал ему корреспондент газеты «Ленинградская правда» Михаил Эстерлис. В репортаже использованы фотографии ТАСС и В. Галактионова.

Пять колец над Москвой...

(Репортаж с олимпийских строительных площадок)

Даже для беглого осмотра олимпийских стадионов Москвы, её залов, бассейнов, велотрасс, каналов дня не хватит. Большинство из них пока ещё в лесах, но уже предстоящим летом многие вступят в строй: на них пройдёт очередная Спартакиада народов СССР.

Эпицентр будущих Олимпийских игр — Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках. Здесь расположено свыше 130 спортивных сооружений: Большая и Малая арены, Дворец спорта, плавательный бассейн... Двадцать лет назад на этом месте была маленькая деревенька Лужники. Московские комсомольцы построили целый спортивный город. Сейчас стадион — снова огромная строительная площадка. Большая арена и бассейн реконструируются. Малая арена перекрывается и станет, по существу, вторым Дворцом спорта, строится универсальный спортзал с трибунами на 5 тысяч человек. Лужники преобразуются.

Ещё один олимпийский объект — крытый стадион на проспекте Мира. Здесь не только можно будет играть в футбол и проводить соревнования по лёгкой атлетике, но и заниматься зимними видами спорта — скоростным бегом на коньках и хоккейными поединками. Само здание имеет эллиптическую форму, его диаметр — 224 метра и высота — 40 метров. Трибуны рассчитаны на 45 тысяч зрителей. При необходимости стадион можно разделить на две части специальной акустической раздвижной перегородкой (ведь в нём бу-

дут почти одновременно проходить олимпийские турниры по баскетболу и боксу).

А когда 5 августа погаснет олимпийский огонь и достоянием истории станут олимпийские баталии боксёров и баскетболистов, на арене гигантского стадиона под крышей начнётся вторая жизнь: три десятка видов различных спортивных и массовых мероприятий сможет предложить москвичам спорткомплекс на проспекте Мира.

Рядом с крытым стадионом — плавательный бассейн с двумя залами. Здесь одновременно можно проводить соревнования по плаванию, водному поло и прыжкам в воду. На трибунах удобно разместятся 10 тысяч человек. В одном зале — 50-метровый бассейн, в другом, отделённом от первого двойной стеклянной перегородкой, бассейн длиной в 33,3 метра. Для подъёма прыгунов на вышки предусмотрены два лифта.

Четыре олимпийских турнира пройдут на территории Центрального спортивного клуба Армии, раскинувшего свои обширные владения на Ленинградском проспекте. Здесь уже есть несколько сооружений, отвечающих высоким олимпийским требованиям, — бассейн, Дворец спорта, стадион. Сооружается и новый комплекс — футбольно-легкоатлетический. Уникальный комплекс! Длина его — 320 метров, ширина — 110 метров, высота — 18 метров. Здесь поспорят за награды Игр борцы и фехтовальщики.

Кипит стройка и в новом спортивном центре столицы — Крылатском. Минувшей осенью именно в Крылатском был сдан в строй первый по счёту олимпийский объект (на 15 месяцев раньше установленного срока) — кольцевая велотрасса. Вовсю идут работы на крытом велодроме, который, по единодушному мнению специалистов, будет лучшим в мире, и на гребном канале, где также создаются поистине идеальные условия для спортсменов и зрителей.

...Двигаются день и ночь стрелы подъёмных кранов, озаряют небо сполохи электросварки. Трудятся строители в Лужниках и Сокольниках, на Ленинградском проспекте и в Крылатском, в Останкине и Битцевском лесопарке. Наша же с вами очередная остановка — Мичуринский проспект.

Не может не впечатлить строительство Олимпийской деревни. А это — восемнадцать 16-этажных жилых домов. В каждой комнате будут жить по два спортсмена. Создаётся новый благоустроенный район площадью в 107 гектаров, в котором по окончании Игр будут жить 14 тысяч москвичей.

Недавно на этой стройке побывал президент Международного Олимпийского комитета лорд М. Килланин. Вот его мнение о видном:

— Ваша Олимпийская деревня станет прекрасным добавлением к Москве. Уже сейчас можно вручить за Олимпийскую деревню Москвы золотую медаль — судя по тому, что я увидел, она того заслуживает...

Зубовский бульвар. Буквально на глазах растущее здание Главного пресс-центра. Отсюда тысячи журналистов, представляющих газеты, журналы, телевидение и радио всех стран мира, будут сообщать своим читателям и слушателям самые свежие олимпийские новости. Полным ходом идёт строительство международной автоматической телефонной станции, а также строится новая телеграфная станция.

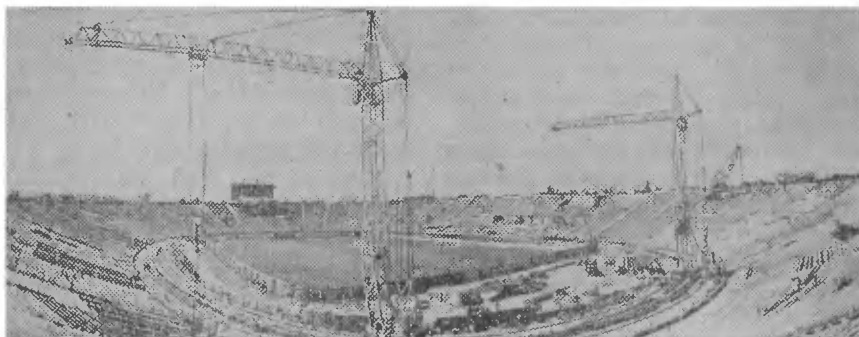
Останкино. Из окна поезда Ленинград — Москва прекрасно видна панорама строительства нового корпуса Центрального телевидения. Олимпиаду в Мюнхене смотрели более миллиарда человек, из Монреаля — около полутора миллиардов. По самым скромным предположениям, за Московскими Играми будут следить более двух миллиардов поклонников спорта. Им-то и поможет строящийся корпус, оснащённый всей необходимой

аппаратурой для передачи цветного телевидения на все континенты и для формирования зарубежных программ.

Примерно 300 тысяч гостей со всех пяти континентов предстоит принять Москве олимпийской. Как их разместить? Сейчас в столице около 70 гостиниц, вмещающих более 50 тысяч приезжих. К Играм появятся огромный гостиничный

комплекс в Измайлове, который станет крупнейшим в Европе, а также отели «Космос», «Севастополь», гостиничный комплекс в Тропареве и другие...

Как видите, объём работ — гигантский. А времени остаётся всё меньше. Но ни у кого нет сомнения, что всё будет сделано в срок и на самом высоком уровне.

...и Ленинградом

Ленинград — город Олимпиады-80. В нём, как и в Москве, Киеве и Минске, пройдёт групповой футбольный турнир, а также один четвертьфинальный матч.

Поэтому главное внимание уделено стадиону имени С. М. Кирова. Осуществляется его полная реконструкция. Те, кто придут сюда в июле 1980 года, не узнают стадиона. Совсем иным, более современным, станет спортивное ядро, появится искусственное освещение, модернизируются все служебные, бытовые помещения, создаётся специальный питомник, где выращивается дерн для футбольного поля; спортсмены получают в своё распоряжение гостиницу на 220 мест, обновится информационное табло. Заново бетонируются все 52 трибуны, и станут они, конечно же, гораздо удобней.

Предолимпийская подготовка в Ленинграде — это не только подго-

товка главного стадиона к матчам. А где, к примеру, будут тренироваться олимпийцы? В их распоряжение поступит полностью реконструированный стадион имени В. И. Ленина, отвечающий теперь истинно олимпийским стандартам. А как принять десятки тысяч гостей Олимпиады?

К Играм строят несколько новых гостиниц. Крупнейшая из них — «Прибалтийская» уже сдана в эксплуатацию.

Туристов, которые прибудут в Ленинград водным путём, встретит новый Морской вокзал на Васильевском острове, строительство которого идёт полным ходом.

Ленинградцы уже сейчас стараются сделать всё, чтобы у многочисленных гостей, которые в июле — августе 1980 года приедут в наш город, остались самые приятные воспоминания...

А ЗДЕСЬ ЛЕТО!

В тропических оранжереях Ботанического сада тепло, здесь продолжается лето. Красиво цветут узамбарские фиалки. Привлекают внимание гигантские австралийские кушанки с белыми цветами диаметром до 20 сантиметров.

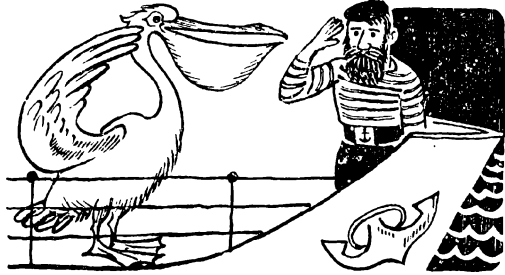
Плодоносят шоколадные и кофейные деревья. Хорошо смотрятся некоторые виды цветущих алоэ, а также богатая коллекция папоротников, насчитывающая свыше 150 видов.

ДАРИТ ДЕТЯМ РАДОСТЬ

Из игрушечных зайцев, мартышек, слонов, собачек, сделанных талантливыми руками каунаской художницы Стасе Самулявичене (Литовская ССР), можно было бы создать самый забавный зоопарк в мире.

Её игрушки радуют не только жителей республики, но и малышей Москвы, Парижа, Лондона, Варшавы, Берлина и многих других городов мира, где они украшают стенды выставок.

Художнице недавно был вручен один из самых удивительных орденов в мире — «Орден Улыбки», учрежденный в Польше и ежегодно присуждаемый верным друзьям детства.

НАГРАДЫ ЮНЫМ ТЕХНИКАМ

Три ленинградца вошли в число победителей Всесоюзной заочной выставки технического творчества пионеров, школьников и учащейся молодежи «Твори, выдумывай, пробуй». Среди них — В. Кудряшов, предложивший оригинальную конструкцию многоэтажного гаража; А. Смирнов — за идею цветного диска для телефона; В. Достоев — за остроумное решение патронов для лампочек новогодней гирлянды.

Победители награждены дипломами и ценными подарками.

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Балтийский теплоход «Верей» стоял на рейде кубинского порта Мариель. Неожиданно к нему подлетел большой серый пеликан. Он сидел над судном низкий круг и сел на палубу.

Пеликан легко дался в руки моряков. Оказалось, что птица ранена. У неё был разорван подклювный мешок. Судовой врач успешно сделал операцию.

Целую неделю гостила у наших моряков птица. Она привязалась к команде. Когда теплоход покидал порт, окрепшего пеликана моряки выпустили на свободу.

ОПУСКАЕТСЯ

Каждые 100 лет главный город Англии — Лондон опускается на 30 сантиметров. А уровень воды в Темзе, которая протекает в черте города, остаётся неизменным. Появилась реальная угроза постепенного затопления города.

Принято решение о строительстве вдоль Темзы бетонной дамбы. Она должна стать барьером на пути водного потока, если река выйдет из берегов. Строительство намечено завершить в 1982 году.

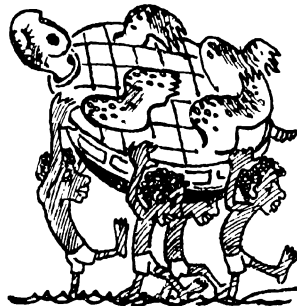
...большую работу в Ленинградской области проводит станция юных натуралистов! Организуются школьные лесничества, отряды «зелёных патрулей», в которых участвует более 8 тысяч школьников. Силами юннатов, только за истекший год, посажено более 250 тысяч деревьев и кустарников. В 30 школьных лесничествах ведутся опыты по расселению муравейников.

...в Грузии проведена перепись деревьев-долгожителей! В Мухранской долине сохранился 800-летний дуб. Его высота — 20 метров, окружность ствола — 11 метров. 700 лет насчитывают два сросшихся тополя в Алазанской долине. Такой же почётный возраст и у 40-метровой липы в горах Сванетии. Сказочный лес раскинулся в верховьях реки Алазани на высоте около 2000 метров над уровнем моря. Здесь шумит реликтовая тисовая роща. В семье деревьев-патриархов самому «молодому» — 300 лет, «старейшему» — более 1000. Всего учтено свыше трёх тысяч зелёных ветеранов. Все они взяты под охрану государства.

...у берегов Зелёного Мыса сенегальские рыбаки поймали гигантскую черепаху! Её длина — 2 метра, ширина — 1 метр 40 сантиметров, вес — 300 килограммов. В этих местах столь крупные черепахи встречаются очень редко.

...в глубине Ферганского хребта более 70 лет назад обнаружена необычная картинная галерея! Местные жители называют её Саймалы-Таш — «вышитый камень». Это завал камней, на которых высечены изображения архаров, верблюдов, фигурок охотников, целые сцены охоты. Долгое время она оставалась загадкой для учёных из-за своей недоступности. Только в последние годы археологи-альпинисты приступили к её изучению. Они сфотографировали, нанесли на кальку, сделали гипсовые слепы с 500 рисунков. Это только небольшая часть «работ» заоблачной картинной галереи. Рисунками Саймалы-Таша заинтересовались учёные многих стран.

...озеро Зайсан одно из самых древних на территории нашей страны! Оно расположено в Восточном Казахстане. Возраст озера — 60 миллионов лет. В древности вокруг озера не было гор. На тысячи километров простиралась равнина, и вся территория вокруг была заболочена. В дальнейшем климат в этих местах стал более засушливым. Ленинградские учёные-озероведы ведут исследования, сохранится ли эта тенденция и дальше. Это необходимо потому, что озеро имеет большое народнохозяйственное значение и используется как водохранилище.

...мост-виадук через реку Луару — самый длинный во Франции! Он связывает города Сен-Назер и Сен-Бревен. Его длина — 3356 метров. Длина его центральной части, поддерживаемой «быками», — 720 метров. Высота — 61 метр. Самые крупные океанские суда могут проходить под ним к порту Сен-Назер.

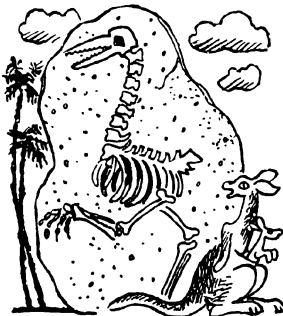
...датская газета «Берлингске Тиденде» — одна из старейших в Европе! Недавно она отпраздновала 225-ю годовщину своего существования. Первый номер её, вышедший в 1749 году, был форматом с тетрадным лист.

...студент биологического факультета Донецкого университета Владимир Радченко собрал коллекцию из двухсот с лишним видов пчёл и шмелей! Он находит свои «живые экспонаты» в местах их гнездовья. В течение трёх лет Володя исследовал жизнь пчёл. Ему удалось даже обнаружить род пчёл, неизвестный до этого в нашей стране.

...самая большая ископаемая птица обнаружена в Австралии! Во время раскопок в местечке Алис-Спрингс археологи натолкнулись на кости гигантской птицы — дроморнитид, которая обитала на континенте около 10 миллионов лет назад. Внешне птица похожа на австралийского страуса эму, но была значительно крупнее. Судя по найденным костям, рост её достигал трёх метров.

Вы уже знаете, как разгадывать такие задачи,— для того чтобы восстановить написанные слова, необходимо подобрать буквы, закрытые лентами плетёнки.

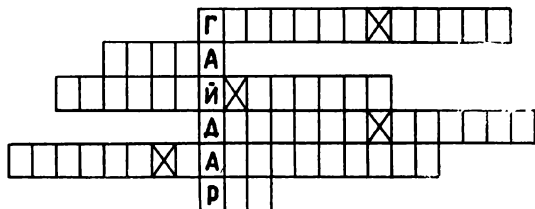
В этот раз мы даём список тех букв, которые не видны, но... задача не становится проще:

а — 4, в — 3, д — 3, е — 2, ж — 1.
и — 3, к — 3, л — 3, м — 3, н — 6,
о — 3, п — 1, р — 5, с — 3, т — 2,
ф — 1, ш — 1, ы — 1, ю — 1.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

В январе этого года исполнилось 75 лет со дня рождения замечательного детского писателя, героя гражданской войны Аркадия Гайдара.

Этой дате и посвящается предлагаемая задача. Думаем, что вам не составит особого труда вспомнить названия наиболее популярных произведений Гайдара и, выбрав из них необходимые, вписать в горизонтальные ряды клеток.

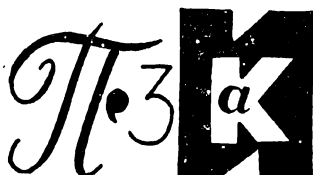

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Кру — фос — те — маль — бун —
кет.

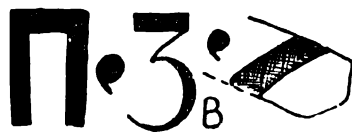
Замените чёрточки словами так, чтобы каждый найденный вами слог являлся продолжением одного слова и началом следующего. Вы должны получить 10 слов.

МИНИ-РЕБУС

В этом ребусе зашифровано одно слово, наводящее уныние не только на школьников, но и на некоторых взрослых...

РЕБУС-МАЛЮТКА

А с тем, что обозначает слово, зашифрованное на этом рисунке, иногда приходится бороться.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 3]

ЧАЙНВОРД

1. Айвенго. 2. Одуванчик. 3. Крот.
4. Тициан. 5. Наполеон. 6. Наркоз.
7. Золото. 8. «Орбита». 9. Ампер.
10. Росток. 11. Коршун. 12. Ниагара.
13. Апельсин. 14. Норвегия. 15. Якир.
16. Рахманинов. 17. Верн. 18. Ново-
российск. 19. Круг. 20. Гид. 21. Де-
рюгина. 22. Аллюр.

ПЛЁТЁНКА

По горизонтали. Ревизия. Рубанок.
Семестр. Снайпер. Схватка. Медянка.
Забрало.

По вертикали. Журавль. Интрига.
Мицелла. Кальмар. Косилка. Наход-
ка. Маршрут.

СЛоговая задача

Килька. Капер. Перрон. Рондо.
Дока. Кабан. Банка. Калан. Ландо.
Доля.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Полоцк = Пол О + Ц + К.

РЕБУС-МАЛЮТКА

Вольфрам = В О (е)ль + ф + рам(а).

Содержание

Ленинград. Стихотворение Иго- ря Дружинина	1
В самом начале пути. Очерк Василия Островского	2
Ника. Продолжение повести Ни- колая Фёдорова	10
Стихотворения Владимира Ива- нова	16
Соратник Ленина. Главы из по- вести Валерия Воскобойни- кова	17
Как начинался «Великий по- чин». Очерк К. Костиной	23
Всегда среди детей. К 70-ле- тию А. А. Котовщиконой	28
Часы на стене. Из записных книжек А. Котовщиконой	29
Санта Клаус и забастовщики. Заметки о международной жизни Бориса Никольского	32
Сказки Бориса Сергуненкова	34
Откуда взялось солнце. Стихо- творение А. Старикова	40
Красный тоннель. Продолжение повести Ирины Кирпични- ковой	41
Как люди открывали свою Зем- лю. Глава из книги А. Томи- лина	51
Пять колец над Москвой и Ле- нинградом. Репортаж с олим- пийских строительных пло- щадок	58
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рису- нок П. Вискова «Трудимся на пя- тёрку».	
На 2-й странице обложки фо- тоэтиюд П. Маркина «На Неве — ледоход».	
На 3-й странице обложки фо- тоэтиюд О. Миронца «Я стала пю- неркой».	
На 4-й странице обложки рису- нок В. Милейко «Многоступенча- тый скворечник».	

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млюдик,
Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, И. А. Туричин

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 1.03 1979 г. Подписано к печати 12.04 1979 г. 4 п. л.
М-20069. Зак. № 74. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

